

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Выступление на Круглом столе 21 мая 2009 г.

М.С. Горбачев,
Президент СССР

89-й год — урожайный на события и перемены. Среди них — Первый съезд народных депутатов СССР, который, несомненно, был знаменательным событием нашей истории не только XX века, но и всей отечественной истории: весной 89-го года впервые состоялись *свободные, конкурентные* выборы. Я бы еще добавил — и честные выборы. Таких выборов не было ни «до», ни после 89-го года — уже в другой исторической ситуации.

То, как проходили выборы до 89-го года, конечно, рождало у людей ощущение полного отчуждения от политики и убеждение в том, что никто по-настоящему не интересуется их мнением, суждением, поскольку все известно заранее, — а сейчас я думаю: не к тому ли мы опять поворачиваем?..

Мы собрались, чтобы поговорить о Съезде спустя двадцать лет. Что-то на расстоянии видится иначе, чем тогда, — но тот, кто прошел через это, помнит хорошо, забыть трудно... А это, практически, вся страна. Одни — участвуя в выборах, потом — в заседаниях Съезда, в обсуждении вопросов, которых накопилось много — целая гора. Другие в дни работы Съезда торопились домой, к телевизору, чтобы наблюдать, что там происходит.

Людей призывали идти на выборы, использовали все возможности, чтобы они пришли и проголосовали, — было задействовано несколько миллионов агитаторов. Народ повалил и на встречи с кандидатами, и на избирательные участки. Выборы, а затем Съезд народных депутатов всколыхнули общество по-настоящему. Беспрецедентная активность людей была подобна половодью и несла нас в открытое море.

Мы часто рассуждаем об индифферентности народа, о его аполитичности. Объясняем: 250 лет — были под монголами, 200 или 300 лет существовало крепостное право, 70 лет — коммунистическое крепостное право. Не скажу, что эти аргументы несерьезны — их, действительно, надо принимать в расчет. Но все-таки ошибочно суждение, будто в нашем народе генетически закодированы политическая пассивность и упование на манну небесную, хорошего царя, генсека.

89-й год реабилитировал наш народ полностью — по-моему, это лучший аргумент в наших сегодняшних спорах. Ведь прежние советские выборы были не чем иным, как актом обязательного одобрения деяний власти и ее представителей, список которых составлялся самой властью. Много раз в своей жизни я сам составлял эти списки, поскольку работал и зав. орготделом крайкома партии (в Ставрополье), и первым секретарем горкома партии, и районным руководителем, и т.д., — вплоть до 89-го года, когда меня упрекали за то, что я создал «партийную сотню». Думаю — потому что не поняли. Потом разобрались и поняли, что такая выборная система была придумана, чтобы после всего, что мы пережили, — «защепить» и дать людям возможность проявить политическую активность.

Да, это была, действительно, защепка: сколько общественных организаций получили право представить по этой системе своих! Профсоюзы, молодежь, а уж партия о себе тем более заботилась. Трудно решался вопрос: должен ли генсек войти в «партийную сотню» или — отдельно предстать перед избирателями. Наверное, правильно решили — быть вместе с товарищами по руководству.

1989 года не было бы без первых шагов перестроечной политики, прежде всего, без гласности и того, что за тем последовало. Но когда сегодня мы о нем вспоминаем, то не должны забывать и о том, что существует возможность: появление массового интереса к событиям, когда в обществе просыпается политическая, общественная жизнь, когда люди начинают думать о себе и о других, а главное — у них появляется надежда на перемены. Мы же люди особенные в том, что касается веры в светлое будущее, — она глубоко в нас заложена!

89-й год — это открытое активное обсуждение проблем. Я был поражен тогда тем, как действовала гласность, насколько она раскрепостила людей. Они начали говорить — да так говорить, что многим сделалось «горячо». А сейчас у нас кандидаты в депутаты не хотят идти на публичные дискуссии, говорят, что «все известно». Опять появляется пренебрежение мнением избирателей, и мы шаг за шагом возвращаемся в прошлое.

Думаю, что именно гласность избавила людей от страха, но были исключительно важные шаги и меры, подготовившие то, чем стали выборы 89-го года. Мы заменили старую избирательную систему и выдвинули очень плодотворную идею — дали право общественным организациям выдвигать своих кандидатов в депутаты. Это сделало выборы еще более свободными.

На политической арене появилось много лиц, которые нас удивили. Они претендовали на очень многое, имели большие амбиции. Некоторые из них присутствуют здесь — вот, Юрий Афанасьев...

Ю.Н. Афанасьев

Я не претендовал.

М.С. Горбачев

Как не претендовал? Все подтвердят — не читать же стенограмму.

Ю.Н. Афанасьев

Я не претендовал. На политику я не претендовал.

М.С. Горбачев

На критику и политику...

Ю.Н. Афанасьев

На критику — да.

М.С. Горбачев

Думаю, эти люди проявили себя блестяще в конструктивной парламентской деятельности. Нам и сегодня не стыдно за многие законодательные акты, которые были приняты в то время. Кто хочет, может прочитать стенограмму Съезда — это прямо-таки детектив. Я иногда обращаюсь к стенограмме, чтобы найти какой-нибудь факт, но отложить эти потрясающие записи уже невозможно. Материалы этого съезда очень поучительны ...

Сегодня любят говорить, что «разгул демократии» стал одним из факторов, погубивших СССР. По-моему, одним из первых это сказал Александр Исаевич Солженицын: «Все погубила горбачевская гласность». Я ответил ему на международной встрече редакторов издательств, которая проходила два года тому назад: «Не могу согласиться. Без этого мы так бы и оставались в состоянии застоя, полузастоя, а может быть, и срыва. Гласность дала огромную возможность людям сказать все, что они думают о нашей жизни, о власти, окружающем мире. И это заставило власть думать иначе».

Считаю, что нынешний подход к демократии — стремление придумывать и такую и сякую «демократию» — это попытки заморочить нам голову. Конечно, за двадцать лет накопилось много проблем. Конечно, склонность к авторитаризму усиливается в связи с экономическим кризисом. Подобные моменты иногда требуют и авторитарных методов, но как общий подход — это ошибка. Необходима надежная система обратной связи, которую могут обеспечить только демократические институты. А мы в начале кризиса даже не знали, как принимались решения, куда текли накопленные миллиарды и даже триллионы, которые не вкладывались в производство. А производство — это рабочие места, доходы, налог и т.д.

Хочу еще раз подчеркнуть: публичное обсуждение, анализ, критика — это непереносимое условие эффективности работы вообще и принимаемых конкретных решений. На наших глазах шаг за шагом происходит монополизация политической деятельности, пресекаются попытки включиться в этот процесс, подвергнуть критике, высказать предложение... Политической работой стесняются заниматься те, кто занимает сего-

дня высокие посты. Предпринимателей боятся и находят способы — не один, а двадцать-тридцать, — чтобы задушить их.

Происходящее сейчас требует серьезного анализа, взвешенной оценки и публичной постановки проблем. По сути дела, мы все — общество — должны готовиться к новым выборам. А это значит — понять, что произошло у нас за последние годы, когда избирательная система подверглась колоссальной ревизии в интересах отдельных партий и в интересах власти. В избирательную систему внесено, по меньшей мере, двадцать с лишним изменений. Научные и общественные центры должны помочь понять пагубность таких подходов, таких шагов.

Надо открыто поставить вопрос о необходимости серьезных реформ избирательной системы. Даже сделать минимум — вернуться к той избирательной системе, какой она была.

Думаю, мы должны открыто ставить все эти вопросы.

Р.А. Медведев,

историк, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Я не готовился открывать дискуссию и не готов поэтому к развернутой оценке событий Первого съезда и его влияния как на власть, так и на общество в СССР, а это влияние было значительным. Конечно, как историк я много думал и даже писал о значении съезда. И для меня, и для всех нас это непросто памятное, но для многих — и переломное событие. Три года назад в России довольно широко отмечалось 100-летие со дня создания в России в 1906 году Государственной Думы. При этом многие газеты писали, что именно 1906 год был годом рождения российского парламентаризма. Нам, историкам, трудно с этим согласиться. Государственная Дума в царской России являлась совещательным органом, а не одной из ветвей власти. Настоящий российский парламент — полномочный, даже слишком полномочный, с большим набором прав и возможностей, с решениями и мнениями которого партийно-государственная власть в СССР не могла не считаться. Такой парламент родился, конечно, только в 1989 году. И именно работа Первого съезда, а также последующих съездов, как

и работа Верховного Совета СССР на постоянной и профессиональной основе стали рождением советского и российского парламентаризма. Конечно, развитие этой новой ветви власти в нашей стране в последующие 20 лет не было прямым, этот путь был полон изгибов и искривлений. Но движение на этом пути было уже невозможно остановить. Для всех стало очевидно, что парламент как ветвь реальной власти, как собрание избранных народом представителей, принимающих законы страны, — такой парламент для России необходим.

Конечно, Первый съезд был огромной важности событием и для страны, и для правящей элиты, и для всей думающей части народа, и для всех нас, народных депутатов, которые во многих случаях совсем неожиданно оказались в Кремле, в центре событий. Для всех нас возникало очень большое число неожиданных ситуаций и проблем, которых никто не ждал и к решению которых никто не готовился заранее. Не было ясно, как вести съезд, каким должен быть его регламент, кому и в каком порядке предоставлять слово для выступления с главной трибуны — в порядке очереди или по алфавиту: число народных депутатов, записавшихся в прения, было слишком велико. Академик А.Д.Сахаров просто выходил к трибуне и ждал, когда предыдущий оратор закончит свое выступление, чтобы начать свою речь, не считаясь ни с каким регламентом. Это было неправильно, недемократично и не свидетельствовало об уважении к другим депутатам и к съезду. Но до сих пор демократическая печать считает поведение А.Сахарова на съезде едва ли не героическим, осуждая при этом большинство съезда, которое «захлопывало» Сахарова, или осуждая Михаила Горбачева, который отключал на трибуне микрофон — даже не через 20, а через 25–30 минут. Однако Сахаров продолжал говорить и при выключенном микрофоне.

Съезд оказался слишком громоздким — почти 2200 народных депутатов, которых Никто заранее не готовил к этой работе. Уже по ходу работы съезда в повестку дня вносились все новые и новые вопросы. Утром президиум съезда намечал какой-то план заседания, но ход съезда мог быть неожиданным выступлением нарушен, и далее дело шло уже как стихийный процесс.

Я не собирался выступать на съезде. Для себя я решил, что буду присутствовать в Кремле как историк, т.е. наблюдать и анализировать. Однако я попросил слово, когда литовская делегация неожиданно выдвинула свой ультиматум по повестке дня и заявила, что в ином случае все литовские или даже все прибалтийские депутаты покинут съезд. Второй раз я выступил в поддержку кандидатуры Анатолия Ивановича Лукьянова, на которого депутат Тельман Гдлян обрушил множество несправедливых обвинений. В своих записках в президиум съезда я прямо обозначал, что буду говорить, и Михаил Сергеевич всегда давал мне слово.

Предполагалось, что по телевидению покажут начало съезда, а потом будут показывать отдельные эпизоды «из Кремля». Однако сам съезд принял решение о полной и прямой трансляции, и каждый из выступавших говорил, таким образом, перед всей страной. Я этого даже не знал, все мое внимание было приковано к событиям и выступлениям во Дворце Съездов. Многие из членов Политбюро не были готовы к выступлению на таком съезде. Молча сидел и Борис Ельцин, он был активен только за кулисами съезда. Можно сказать, что волны демократии (а съезд давал пример прямой и вполне народной демократии) нас бросили, хотя большая часть из нас еще не умела плавать.

И как историка, и просто как гражданина Советского Союза, привыкшего и приспособившегося к устоявшемуся в стране режиму и порядку, меня удивляло в мае и июне 1989 года очень многое. Быстро менялись не только настроения на съезде, но и среди избирателей за стенами; Кремля. Я пришел на съезд как независимый депутат, одержавший победу в Ворошиловском избирательном округе № 6 г.Москвы (вскоре округ и район Москвы стал «Хорошевским»). И при встречах со своими избирателями каждый месяц или даже каждые две недели я встречал уже другую аудиторию. Это были те же люди, с которыми я встречался еще в феврале, марте и апреле, но теперь у них были другие настроения и другие требования. Очень многие избиратели вели себя крайне агрессивно. Они требовали быстрого осуществления таких дел, которые не мог сделать ни съезд, ни ЦК КПСС, ни Правительство СССР. Мои

избиратели очень внимательно следили за моими выступлениями и весьма эмоционально на них реагировали.

На съезде меня избрали председателем комиссии по проверке деятельности следователей Генеральной прокуратуры Т.Гдяна и Н.Иванова, а также фактов коррупции в Узбекистане и в Москве. Но в это же время в моем Хорошевском округе начался сбор подписей под требованием отозвать Роя Медведева с поста Народного депутата и только потому, что он не поддержал Гдяна и Иванова. Убедить людей в том, что работа Гдяна и Иванова, и всей прокуратуры требует проверки, было невозможно. Гдян и Иванов были тогда героями дня, и митинги в их поддержку собирали в Москве десятки тысяч человек.

Первый съезд дал трибуну многим новым в политике людям, однако для большинства из этих людей их политическая карьера была, как правило, яркой, но недолгой. Сейчас, через 20 лет, мы видим и во власти, и в политической и культурной элите не так уж много людей, которые приобрели известность благодаря съездам народных депутатов. Я могу назвать здесь только двух — Евгения Примакова и Валентину Матвиенко.

Неожиданным было для меня не только поведение избирателей Москвы, но и поведение многих народных депутатов, оказавшихся на съезде в центре внимания прежде всего благодаря их ораторским способностям. Так, например, уже на Первом съезде очень большой отклик получили выступления профессора МГУ Гавриила Попова и профессора ЛГУ Анатолия Собчака. Конечно, у них был хороший опыт. Умело и интересно выступать перед большой аудиторией — это важная часть их профессии. Однако неожиданную и быстро пришедшую к ним популярность и известность оба этих депутата попытались сразу же конвертировать во власть и влияние. И так же вели себя многие другие.

Анатолий Собчак уже в 1990 году написал книгу о своем политическом успехе с названием «Хождение во власть». Мы работали с Собчаком в одном Комитете по законодательству, и я его спросил, когда получил эту книгу в подарок: «Анатолий Александрович, какая у вас власть? Вы еще не знаете, что такое власть. Вы пока еще парламентская оппозиция, а не

власть». Но он уже думал о реальной власти и согласился летом 1990 года возглавить Ленинградский Совет. Помню, что я спрашивал об этом свою соседку по Верховному Совету (мы располагались на заседаниях по алфавиту: на съезде моим соседом был Вадим Медведев, а в Верховном Совете — Валентина Матвиенко):

— *В чем дело, почему Собчак решил ехать в Ленинград и соглашается возглавить Ленсовет?*

Матвиенко отвечала:

— *Он хочет власти.*

— *Но как будет управлять городом профессор Ленинградского университета? Водопровод, канализация. Два миллиона рабочих и полтора миллиона пенсионеров. Он же со всем этим не справится?*

— *Я тоже так думаю, — говорила Матвиенко, которая много лет работала в Ленгорисполкоме, — но объяснить ему этого не могу.*

Сегодня, как известно, губернатором Санкт-Петербурга работает именно Валентина Матвиенко. А Собчак надорвался, не справился и проиграл следующие выборы. Гавриил Попов также занял пост мэра Москвы, но вскоре сам ушел в отставку.

Однако в истории пример часто является важнее, чем результат. Первый съезд был очень важным событием и уроком, но усвоить этот урок мы не смогли. Уже Второй съезд не являлся столь же интересным и важным событием. Потом не слишком ярко прошли Третий и Четвертый съезды. А на Пятом съезде в сентябре 1991 года было принято решение о самороспуске, не доработав и половины отпущенного нам срока. Лично я голосовал против этого решения и выступал против, но депутатов уже никто не хотел слушать. И когда я 2-го или 3-го января 1992 года поехал в Кремль за своей трудовой книжкой и другими документами, меня в Кремль не пустили и сказали:

— *Кабинеты Верховного Совета опечатаны, и вам здесь делать больше нечего.*

— *Но у меня документ, который действителен до конца 1994 года.*

— Можете его спрятать. Для нас этот документ уже не имеет никакой силы.

Еще раньше, весной 1991 года, меня не пустили на партийное собрание в здание Моссовета по удостоверению члена ЦК КПСС. Мне также сказали, что документы ЦК КПСС в Моссовете не могут служить пропуском. Но все же я попал на партийное собрание по удостоверению члена Верховного Совета СССР. Уже в конце 1990 и в начале 1991 годов было очень хорошо видно, что происходит деградация власти.

Я много работал в Верховном Совете и долго не замечал этой деградации, которая шла и в экономике страны. Для меня было неожиданным, когда нам еще весной 1990 года в конце каждой недели стали вручать пакеты с продовольственным пайком народного депутата. Там были самые обычные продукты: пакет сахара, крупы, мороженая курица, пачка масла. В магазинах всего этого не было, или стояли большие очереди. Все это было очень печально.

Тем не менее я могу повторить, что часто сам пример, само мероприятие могут оказаться важнее результата. По многим направлениям именно в 1989 году начались те процессы демократических реформ, которые были продолжены и после распада СССР. Во многих отношениях перемены последних 20 лет — это единый процесс, и именно так рассматривают события последних 20 лет почти все историки. Мы не сможем понять события в постсоветской России или на всем постсоветском пространстве, не начиная свой анализ со времен «перестройки». У нас, историков, есть понятие «ирония истории». Это означает, что результат может оказаться совсем другим, чем этого хотел тот или иной революционер или реформатор. Колесо истории идет с трудом и часто совсем по другой колее. Приходится смиряться и с разочарованиями.

Я рад, что все те, кто присутствует на этом «круглом столе» (а нас не так уж много), прошли через все испытания последних 20 лет и сохранили интерес и к политике, и к творчеству. Нам есть что вспомнить и что обсудить. Для меня лично Первый съезд оказался одним из самых важных событий в моей жизни.

Ф.М. Бурлацкий,

политолог и журналист, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Во-первых, мне хотелось бы сказать о роли, которую сыграл Михаил Сергеевич Горбачев. Я впервые услышал это имя от одного из аппаратных работников, который сопровождал Горбачева в поездке в Италию для участия в похоронах Энрико Берлингуэра. Горбачев, как мне сказал этот собеседник, произнес там вещие слова: «Мы никогда не забудем Энрико, его заветы о развитии демократии в Советском Союзе». Я тогда подумал: о, этот человек имеет большие замыслы в отличие от всех других, крепко сидевших в креслах пожилых джентльменов.

Потом я написал записку Михаилу Сергеевичу (он уже не помнит, конечно). Я рекомендовал ему некоторых людей, в частности Георгия Шахназарова, который потом стал советником Михаила Сергеевича. И предложил обратить внимание на опыт Китая, Дэн Сяопина, который раньше нас начал продвижение — не могу сказать, по пути демократии, — но по пути создания современного рынка. Мне передали, что Михаил Сергеевич ознакомился с запиской и будто бы сказал фразу: мы пойдем другим путем.

Не знаю, был ли этот путь лучше, но уж, конечно, он оказался куда менее эффективным.

Накануне XIX партконференции были выдвинуты два проекта модели политической системы. Один проект был выдвинут А.И. Лукьяновым: модель 24-го года, возврата к Конституции 24-го года: съезд и избираемый корпус депутатов. И другая модель: я выступил в «Литературной газете» с предложением создания двухпалатного парламента, всенародного избрания президента, вице-президента, Конституционного суда и учреждения суда присяжных.

К сожалению, была выбрана модель Анатолия Ивановича Лукьянова. Она оказалась не только бесполезной, но и вредной — в том отношении, что Съезд народных депутатов занимался не законами, не обычной парламентской деятельностью, а просто служил трибуной для выражения мнений, эмоций и неграмотных суждений людей, которые только еще при-

нюхивались к политическому процессу. Съезд стал ристалищем острой борьбы между различными группами — партий еще не было. Юрий Афанасьев возглавлял одну из групп, которую можно уважать, но можно оценивать по-разному. Афанасьеву противостояли ретрограды, о которых и вспоминать-то неприятно...

Я считаю, что тогда была сделана историческая ошибка — не знаю, в какой степени Михаил Сергеевич с этим согласен. Надо было создавать нормальное парламентское учреждение, как это принято в западных странах. Тем не менее съезд — и в этом колоссальная заслуга Горбачева, потому что именно он был инициатором, окруженным людьми из Политбюро, которым это было не просто чуждо, но которые были абсолютно против этого, — дал толчок необратимому процессу движения к новой политической системе и в какой-то степени — к новому обществу.

Первый съезд (и затем последующие съезды), несмотря на провал, неудачи и распад Советского Союза, покончил со сталинской системой власти и подвинул Россию на новый путь развития. В этом его историческое значение и в этом историческое значение и М.С. Горбачева.

К несчастью, развернувшаяся политическая борьба и безудержная жажда власти одной из главных фигур на нашей политической сцене — Бориса Николаевича Ельцина и его группы привели к провалу Съезда, распаду Советского Союза и фактически, сведению на нет даже тех небольших демократических завоеваний, которые были достигнуты в период Горбачева.

Очень жаль, что исторический процесс пошел таким образом, и Россия снова была отброшена на десятилетия назад. Тем не менее, я думаю, все, что было сделано на Съезде, и многие законы, которые были приняты (один из законов, который с огромным трудом пробивал я, — о свободе выезда и въезда, и который, в конечном счете, Михаил Сергеевич поддержал), дали толчок демократическому развитию в нашей стране. Это не будет забыто и скажется на дальнейшем ходе нашей истории.

Поэтому я сказал бы, что Съезд и последующие съезды, деятельность Верховного Совета СССР, как говорили когда-то в аппарате, «пропали недаром». Это еще скажется в будущем. От этой печки еще будут танцевать многие демократические течения в нашей стране, возвращаясь к тому, что было недоделано, к тому, что было задумано, к тому, что было высказано лучшей частью нашего общества в тот период.

Ю.Н. Афанасьев,

историк, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Хотел бы выразить мое почтение инициатору и организатору этого Круглого стола — Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я не буду сейчас говорить, в какой мере осознанно, а в какой мере из-за присущей ему природной одаренности он стоял у истоков, иногда инициировал, а чаще всего олицетворял те процессы или события, которыми мы живем до сих пор. Горбачев сделал великое дело.

А теперь мне хотелось бы сказать слова, которые, может быть, покажутся или дадут повод подумать, что я не искренен, потому что дальше надо было бы сказать фразу: «Вы мне друг, но истина мне дороже». Но то, о чем я собираюсь говорить, то, что я думаю, и есть истина, — несколько не поколеблет сказанного мной вначале.

Первый съезд народных депутатов будет восприниматься по-разному, в зависимости от того, в какую систему координат его поместить, — в систему координат временных, ценностных или нравственных. Иногда характеристики этого съезда в зависимости от того, в какой системе координат его рассматривать, будут не только не совпадать, а будут напрочь, начисто исключать одни других.

Мне кажется, что это вполне естественно. Если смотреть на этот съезд как на одно из событий, которое вписывается в соответствующую канву политической истории и измеряется отрезками времени 10–15 лет, 15 лет «до» и 15 или 10 лет «после», то следует признать, что это событие не проникло в толщи и глубины человеческого жизнеустройства. Оно как бы скользит по поверхности политических событий и измеряется

действиями тех, кто был до того, и тех, кто пришел после. Что я имею в виду более конкретно? Мне кажется, что этот съезд надо рассматривать в долговременной временной перспективе — как знак, за которым есть нечто означаемое.

Если на это же событие посмотреть в перспективе 10–15 лет или в ретроспективе, то это будет примерно то, что нам обычно предлагают и о чем говорил Михаил Сергеевич. То есть предлагается рассмотреть этот съезд как политическое событие, как очень важное явление с точки зрения тех вопросов, которые предложены нам для обсуждения: прорыв к самосознанию — гласность и публичная политика; начало основ парламентаризма, выборы и создание многопартийности.

Да, гласность была. А прорыва к самосознанию как-то не случилось ни тогда, ни тем более теперь. Основы парламентаризма заложили. Но как-то так получилось, что сегодня никаким парламентаризмом уже и не пахнет.

Все дело в том, что если на этот съезд посмотреть как на некий знак не с точки зрения политических событий, а с точки зрения продолжительных социокультурных процессов, которые происходят в России, то тогда, я думаю, ни у кого бы язык не повернулся говорить о пробуждении самосознания российского общества. Поскольку его как не было тогда, так нет и теперь, как не было сто лет тому назад, так и нет. Потому что самосознание предполагает самокритику — то есть способность общества критично смотреть на себя. Этого не было и в период работы Первого съезда народных депутатов.

Если говорить о парламентаризме как институте современного общества, то есть общества, которое вышло за рамки традиционализма, то никакого парламентаризма и близко нет.

То есть хочу подчеркнуть: есть способ мышления, который в сущности является традиционалистским. В соответствии с ним рассуждают примерно так: если сегодня лучше, чем вчера, если завтра будет лучше, чем сегодня, то мы продвигаемся от хорошего к лучшему, и сфера или зона свободы у нас в России расширяется.

Согласно этой точке зрения у нас происходит эволюция либерализма. Более того, предполагается, что «наверху» су-

ществовал или перманентно существует некий проект преобразования российской действительности, нашего общества. И этот проект, якобы, последовательно и пусть неровно, пусть с зигзагами, — но реализуется.

Я не буду перечислять все исторические персонажи до Александра Первого, до Сперанского, Александра Второго, а потом — Витте и Столыпин. Но вроде бы Россия и российское общество эволюционно улучшаются. Из этого логически следует, что последовательно, пусть и не быстро, не ускоренно, но эволюционно изменяясь, российское общество дойдет до такого состояния, когда оно будет способно к саморегуляции, самоорганизации. То есть оно будет способно к развитию.

Я считаю этот взгляд базируется на понятиях традиционалистского мышления. Это очень большое заблуждение, потому что взгляни ли в историю 1000-летней давности, или — после 89-го года — картина получается одна. Это картина расширения или, по крайней мере, сохранения зоны или пространства несвободы. Это и есть специфика нашей истории...

Если рассматривать то, что произошло на Первом съезде народных депутатов в линии последовательного расширения зоны свободы, то, конечно, многое очень можно принять под лозунгом: «Да здравствует!». Но можно рассматривать те же самые события съезда как доказательство способности режима мимикрировать, адаптироваться к меняющимся условиям с целью самосохранения своей традиционалистской сути. То есть воспроизводства на основе неизменности. В таком случае Первый съезд предстанет перед нами как событие, на котором собрались представители советской номенклатуры и некая группа представителей мыслящего класса, обслуживающая эту самую номенклатуру. В данном случае я имею в виду Межрегиональную группу и себя как представителей бюрократической или очинвленной, думающей интеллигенции, которые видели себя изнутри системы. Той самой системы.

Исключением был один единственный человек — это Андрей Дмитриевич Сахаров. Потому что он был внесистемным человеком. Но это на две с лишним тысячи делегатов — единственный случай. Сахаров видел происходящее преимущественно в контексте того, как советская система противостоит

другой системе. Он видел уже тогда опасность этого противостояния и поэтому был таким неистовым. Он все никак не мог понять, почему другие не видят, к чему идет дело.

Предложение Сахарова — быть открытой политической оппозицией, с которым он обратился к Межрегиональной группе, почти не было воспринято. Межрегиональная группа никакой политической оппозицией не стала. Она и не могла стать. Не могла стать не столько организационно, сколько потому, что члены Межрегиональной группы не могли помыслить, представить такую возможность: взглянуть на происходящее в Советском Союзе, не будучи в системе. И даже сегодня те, кто причисляет себя в том числе и к либеральной интеллигенции — мыслящему классу, тоже являются, прежде всего, обслуживающей силой советской номенклатуры, которая господствует уже вместе с представителями капитала, олигархии и т.д.

Мне кажется, что до тех пор, пока мы не извлечем подлинные, глубинные уроки Первого съезда народных депутатов, то есть не представим его как событие, символизирующее систему на этапе ее деградации, ее увядания, — мы вряд ли сможем сделать что-то в сегодняшней действительности.

К.А. Страхов,

*историк, журналист, депутат Муниципального совета
Финляндского округа, Санкт-Петербург*

Мне очень приятно находиться сегодня здесь, потому что для историка это, конечно, редкая и счастливая возможность — видеть и слышать героев своих исследований. Не каждому такое счастье выпадает.

Вчера, накануне Круглого стола, Ольга Михайловна Здравомыслова сказала мне, что было бы хорошо услышать в дискуссии голос поколения, которое в 1989 году «было в бессознательном возрасте». Мне кажется, что это большое преувеличение. Действительно в 89-м году мне было 6 лет. И, тем не менее, я не соглашусь, что это время было для моего поколения несознательным.

Моё детство прошло в очередях — родители ставили меня в очередь за каким-нибудь фаршем, а сами бежали зани-

мать место в другой очереди — за молоком, капустой или школьной формой. С некоторым преувеличением можно сказать, что там, в этих очередях, и формировались мои политические взгляды и общественная активность.

Наверное, это тоже будет звучать странно, но это чистая правда: будучи первоклассниками, на переменах мы вместе с учительницей смотрели трансляции Съезда народных депутатов. И потом, после уроков, в этот самый съезд играли. Вот уж не знаю, какие вопросы мы там обсуждали, но отчётливо помню, что я очень хотел быть в этой игре депутатом Собчаком. Популярный в то время ленинградский лозунг «Я буду Собчаком» — был и моим лозунгом.

И поэтому я не согласен с Роем Александровичем, который сказал, что Собчак не справился со своей ролью. На мой взгляд, Собчак справился со своей исторической ролью. А вот роль, которую исполняют последующие губернаторы... Пока не понятно — историческая она или нет. Это тот самый водопровод, канализация. И теперь уже меньше, чем полтора миллиона пенсионеров...

Поскольку мне выпала ответственность выступать первым из исследователей, я обязан предложить определение и периодизацию событий, которые мы рассматриваем.

Современные историки отводят 26 марта, дню выборов народных депутатов СССР, ключевое значение в череде событий перестройки. Кто-то считает этот день, собственно, её сущностным началом, кто-то «началом конца». Исследователь А.Е. Волохов относит к этой дате старт «новейшей истории Коммунистической партии». А в недавно вышедшей монографии петербургского исследователя К.Э. Аксёнова высказана идея, что 26 марта 1989 года — «точная дата окончания перестройки». Он поясняет: «Население получило не «право», а возможность реально влиять на формирование властных элит. Реформирование политической системы вышло из-под контроля элит и приняло форму массовых политических процессов, под которые уже вынуждены были подстраиваться элиты для достижения своих целей». Похожие идеи высказывали и некоторые другие исследователи.

Итак, «точная дата окончания перестройки». Определение непривычное, спорное. Но, на мой взгляд, исключительно важное для того, чтобы попытаться осознать те процессы, которые связаны с подготовкой, проведением, а главное, историческими последствиями выборов 26 марта.

Что же это были за выборы? В литературе закрепилось определение «первые альтернативные». Чуть реже пишут: «демократические». Сегодня Михаил Сергеевич сказал — «свободные».

И если первое определение, в основном, не вызывает у меня возражений на фоне весьма короткой и печальной электоральной истории нашей страны, то второе — «демократические» — вызывает и вопросы, и сомнения. По большому счёту, избирательный закон 1989 года не был ни справедливым, ни демократичным. Формирование избирательных комиссий исполкомами, выборы «по куриям» в общественных организациях, сито окружных предвыборных собраний, непрямые выборы Верховного Совета — всё это явления весьма сомнительной «демократической» ценности.

Однако в иссушенной, практически мертвой советской политической почве даже эти недемократические нормы сумели дать какие-то странные, удивительные демократические всходы.

Без сомнения, выборы народных депутатов 1989 года задумывались как *очень советские* выборы. Речь — и о риторике, тон которой был задан Михаилом Сергеевичем ещё в политическом докладе XXVII съезду партии в 1986 году — о «дальнейшем развитии социалистической демократии» и «живом творчестве трудящихся». И о методах, которые по началу не отличались от прежних — коллективы предприятий и организаций единодушно «называли своими кандидатами» высоких партийных руководителей.

Можно сказать и о том, что теперь бы назвали культурными маркёрами. Просмотрев списки избирательных округов в различных регионах Советского Союза, я с удивлением заметил: они были повсеместно составлены по алфавиту, и только «Ленинский» округ, если такой оказывался в области, неизменно указывался первым! Сначала — «Ленинский», потом ал-

фавит! При всём богатстве топонимики на выборах 1989 года был 41 территориальный и 25 национально-территориальных «Ленинских» округов, ещё 19 «Советских», 18 «Октябрьских» и 12 «Кировских». Даже по этому культурному контексту, — чувствуете, какие это были по-настоящему советские выборы!

Почему же им выпало стать поворотными в истории страны? На мой взгляд, потому что они сошлись в одной точке с очевидным кризисом некомпетентности партийной власти (прежде всего, местной и «отраслевой»), пробуждением принципиально новых общественных структур и отчаянным рывком наиболее ответственных и профессиональных средств массовой информации к свободе слова.

Тонкими штрихами это можно проиллюстрировать примерами из моего родного Ленинграда, где течение социальных процессов в период перестройки происходило очень быстро. В 1989 году замечательный ленинградский социолог Л.Е. Кесельман написал, что заметный подъём общей активности жителей города происходил «приливными волнами».

«В начале, весной, 1988 года «мелкая рябь» после трёх «нинандреевских недель», потом несколько более заметная майско-июньская волна активности, вызванная сюжетами выдвижения делегатов XIX партконференции. Осенью волна протестов против лимитов на подписку почти сразу переросла в ещё более высокую волну социальной активности ленинградцев, вызванную всенародным обсуждением проектов изменений Конституции и Закона о выборах народных депутатов СССР». Мёртвая, ороговевшая пропагандистская форма «всенародного обсуждения» неожиданно стала живой и вызвала мощный отклик общества.

Но «активность наиболее активных <граждан> быстро сменилась апатией после того, как все их попытки хоть как-то смягчить откровенно недемократические статьи поправок к Конституции СССР и закону о выборах народных депутатов... оказались тщетны... Формирование предвыборных окружных комиссий в Ленинграде прошло по старым привычным алгоритмам... Общественное движение, подавленное серией своих поражений, никак не среагировало на подготовительные

маневры административно-бюрократического аппарата, готовящегося к решающему закреплению своих позиций».

Но «беззастенчивый цинизм, с которым консервативные силы действовали через окружные комиссии,.. стимулировал такой подъём возмущения и политической активности..., который вовлёк в предвыборную, то есть по своей сути политическую борьбу уже сотни тысяч людей».

Что же это было за общество? Вопреки утверждению о «заговоре деструктивных сил», которым консерваторы предпочли объяснить своё поражение на выборах, это были обычные люди — самостоятельные политические, культурные, экологические объединения: Клуб друзей журнала «Огонёк», только что родившееся общество потребителей, стихийное движение за отмену лимитов на подписку и многие, многие другие. Люди, которые почувствовали себя гражданами.

Вал нарастал, и вот уже власть вынуждена ошибаться, сбиваться с ног, говорить то, что хотела бы скрыть. Накануне выборов кандидат в народные депутаты по Фрунзенскому округу Ленинграда, секретарь обкома КПСС А.М. Фатеев простодушно признаётся в интервью газете: «В эти дни я узнал о Фрунзенском районе больше, чем за годы работы в обкоме»... Удивительное признание руководителя города. Удивительное — согласитесь!

Как приговор — провальными для Смольного результаты выборов. А к ним — данные социологического опроса того же Л.Е. Кесельмана: 68% горожан считают исход выборов закономерным (среди членов партии таких голосов даже больше, — 70%), и 69% — что нынешний состав областного комитета партии не может справляться с ситуацией в городе.

Выборы 1989 года стали стартовой точкой для многих важных явлений в нашей жизни.

Это возрождение парламентаризма, свободы мысли и совести, многопартийность, это историческая роль Межрегиональной депутатской группы. Это рождение российской политической социологии. Это возрождение отечественных, в полном смысле этого понятия, «избирательных технологий». В том числе и административных. Так народный депутат СССР, главный редактор журнала «Аврора» Б.Н. Никольский вспоми-

нал, что накануне дня голосования по его округу разъезжала чёрная «Волга» с синей мигалкой, и из машины через мегафон раздавались призывы голосовать за его конкурента: «Он — единственный беспартийный кандидат!» «У большинства избирателей подобные действия не могли не вызвать усмешку, — пишет Б.Н. Никольский. — С каких это пор обладатели чёрных служебных «Волг» стали так высоко ценить беспартийность?»

Выборы 1989 года оказали огромное влияние на переоценку роли и функций народного депутата. За годы декоративного парламентаризма депутат стал восприниматься как ходатай по частным социальным и бытовым проблемам граждан. В 1989 году возобладал другой подход. Один из участников моих исследований, член бюро Ленинградского обкома партии В.П. Смирнов вспоминает: «Собчак говорил: “Депутат — это законодатель, он, грубо говоря, не сопли вытирает детям, а работает с законом”. Я впервые это услышал. Наверное, так оно и есть, но тогда мы были к этому не приучены». Пожалуй, впервые советские граждане задумались о роли закона и его влиянии на их жизнь.

И всё же своей главной исторической миссии ни выборы 1989 года, ни съезд народных депутатов не достигли — в нашей стране не установилась устойчивая электоральная традиция. Одна из очевидных причин этого (а есть, конечно, и другие) — то, что огромные надежды, возложенные обществом на выборы, на депутатов, на съезд — естественным образом не оправдались.

Не только потому, что избиратели и депутаты по большому счёту не могли дать правдоподобную оценку ситуации в стране (узнай они о событиях последующих двух лет, они наверняка бы не поверили и испугались). Не только потому, что имели мало представления о том, что необходимо делать.

События развивались много быстрее, чем протокольные процедуры съезда. И уже через два года форум, только что бывший в авангарде революционных изменений, как это ни печально, оказался мало кому интересен.

Петербургский историк Д.А. Коцюбинский, на мой взгляд, очень точно выразил общественное настроение весны 1989

года: «... подавляющее большинство как самих горожан, так и их политических вождей было настроено на борьбу с властным монополизмом КПСС и на радикальные демократические реформы. Однако <...> само собой разумеющимся считалось, что достаточно просто снять с университета имя Жданова и выселить райком партии из дворца Белосельских-Белозерских, а дальше «жизнь сама всё расставит на свои места». Казалось так. Но жизнь, к сожалению, по своим местам это все не расставила.

Ольга Михайловна не представила меня еще в одной роли. Тот избирательный участок, на котором я в свое время опускал бюллетень своей бабушки на выборах 89-го года, вот уже два срока является моим избирательным участком — тем, где люди избирают меня в Муниципальный совет нашего округа в Петербурге.

И поэтому я не могу не сказать о том, о чем Вы просили, Михаил Сергеевич. О том, что происходит сейчас.

В Советском Союзе не было выборов. Не просто потому, что голосование не было альтернативным. В конце концов, следуя старой шутке, во время сталинского голосования 1936 года в бюллетене было два кандидата... один — в Совет Союза, другой — в Совет Национальностей.

Родовая травма советских выборов — то, что они были насквозь фальшивыми.

Это были не выборы. Это было соревнование за 99,99 процентов голосов, которых тоже никогда не было. Результаты «рисовали», а райком партии просто не принимал с участка протокол, в котором не значились эти 99,9%. Даже если ни один человек не пришел на избирательный участок.

Вот и в 1984 году результаты выборов в предыдущий Верховный Совет СССР были опубликованы в прессе «в целом» по РСФСР с формулировкой: «за кандидатов в депутаты подано 99,91% голосов»!

В 1989 году наша избирательная система впервые вырвалась из этого порочного круга. Впервые появившиеся наблюдатели (или как тогда говорили — контролёры) на многих участках ожидали встретить бешенное сопротивление комиссий.

Но не встретили — члены комиссий сами симпатизировали альтернативным кандидатам, сами хотели перемен.

Как действующий депутат, который только что прошёл в своем округе тяжелую избирательную кампанию, могу сказать — мы пришли к тому, с чего начинали: наши выборы также во многом фальшивые. Это выборы, на которых избирательные комиссии не стесняются фальсифицировать результаты голосования: исправлять протоколы, вбрасывать бюллетени, менять списки избирателей. При уснувшем обществе выборы снова уже не просто регулируют командно-административными методами, выборы вновь фальсифицируют! Вроде бы много время прошло, а все равно «историческая память» проснулась. Здесь как в старом анекдоте — «А руки-то помнят...» Конечно, будет очень тяжело с этим бороться.

Работая над исследованием, я много встречался с участниками событий перестройки — и с теми, кто победил, и с теми, кто вроде бы потерпел тогда историческое поражение. Исследователь обязан быть беспристрастным, но я ведь отчетливо вижу — сейчас консерваторы пребывают в эйфории. Они уверены, что победили! Победили в историческом масштабе. Сдали на откуп народной вольнице пятнадцать лет перестройки и вернули события вспять. Об этом очень грустно говорить, но сегодня у них есть для этого основания.

Но как историк могу вам сказать: поэтому я и занимаюсь выборами 89-го года, что в этих событиях есть большой материал, большой опыт и большая надежда!

Мне было искренне приятно работать со многими народными депутатами, которых я интервьюировал, с участниками тех событий. Потому что большинство из них — это абсолютно искренние, честные люди, которые не шли за властью, а пытались сделать что-то, чтобы помочь своему городу, своей стране, людям, которые живут вокруг. На этих политиков, у которых не было ни капли цинизма, хочется быть похожим.

Я хочу сказать спасибо всем вам — тем, кто участвовал в событиях перестройки и дал пример для будущих поколений. Этот опыт, я уверен, обязательно будет востребован.

О.Г. Румянцев,

юрист, народный депутат РСФСР

Только случайность стала причиной того, что я не стал коллегой союзных депутатов, поскольку мы достигли тогда джентльменского соглашения с директором Института экономики мировой социалистической системы, академиком Богомоловым о том, что я, выдвигавшись тогда от этого пула общественно-ведческих институтов в районе метро Профсоюзная, воздержусь, с тем чтобы не мешать академику Богомолову, а пойду на российские выборы.

И тем не менее я считаю, что мы сегодня отмечаем 20-летие того огромного исторического шанса, который был перед Союзом, был перед Россией, был перед нашим народом, перед каждым из нас. И, наверное, урок, который можно вынести из всего случившегося, — то, что этот шанс был, наверное, не использован. А если использован, то, может быть, не совсем так, как хотелось бы.

Я согласен с Михаилом Сергеевичем, что это было время новых идей, время новых лиц. Это должно было стать временем новых институтов.

Я с удовольствием прочитал в 87-м году книгу Горбачева «Перестройка и новое мышление для страны и всего мира». Мои венгерские товарищи попросили сделать краткий конспект этой книги. Они хотели понять, что такое перестройка, для того, чтобы разослать книгу по всей Венгрии разослали в качестве агитпропа. Работая над конспектом книги Горбачева о новом мышлении, я понял, что действительно эти замечательные идеи должны быть оформлены в институты. Я согласен с Ф.М. Бурлацким — жаль, что победила концепция Лукьянова: «Съезд — Верховный Совет». Не самая лучшая была концепция. Я понимаю всю глубину мысли, что нам как некоему «полукитайскому» обществу нужен был обязательно какой-то «китайский» путь к демократии. Но народ почему-то не очень хотел мириться с китайским путем.

Слишком долго гражданская инициатива была закупорена, чтобы потом еще терпеть, когда система «Съезд — Верховный Совет» преобразуется во что-то более нормальное и эф-

фективное. И вот получилось: Съезд как Вече не сыграл свою роль.

Достаточно вспомнить, какие решения принимал Пятый съезд народных депутатов СССР в сентябре 91-го года, когда было полное безвластие на уровне и Союза, и Российской Федерации после августовских событий, после этой катастрофы. Потому-то оказались напрасны все мои попытки дозвониться тогда до Бурбулиса или до Ельцина и обсудить: когда и что должен делать Съезд народных депутатов РСФСР, если союзный съезд не созывается, если союзное руководство, фактически, отстранено от руководства страной, — Ельцин и Бурбулис праздновали победу, правда, не понятно какую.

Этот создавшийся тогда вакуум того периода продемонстрировал, что вечевая роль съезда столкнулась с его крайней неэффективностью. Мы все столкнулись с тем, что в новое время необходим новый эффективный менеджмент, а вечевая роль съезда, которой оказалось очень легко воспрепятствовать, используя власть, оказалась недоиспользованной.

Верховный Совет как парламент получился недопарламентом — вот почему за спинами тех, кто был на Съезде СССР, на Съезде РСФСР, готовился большой «хапок» теми, кто оказался «эффективным менеджером», эффективными собственниками, но при этом достаточно беспринципными людьми. И наших чувств по поводу демократии не разделяли.

Был осуществлен алчный большой хапок. И когда съезд как вече стал не нужен, то и парламент как законодательный орган тоже стал не нужным. Поэтому мы вышли в эпоху, совершенно дикую — в эпоху середины 90-х годов. Во многом это стало результатом, на мой взгляд, того, что выбранная модель оказалась не очень удачной.

Вспоминаю, как наши старшие товарищи — депутаты Съезда народных депутатов СССР — помогали нам готовиться к Первому съезду народных депутатов РСФСР. Съезд Российской Федерации во многом опирался на успехи и неудачи того, что происходило на Союзном съезде. Михаил Александрович Бочаров, который присутствует здесь тогда возглавлял Бутовский комбинат. Я помню, что его навыки управленца очень помогли нам подготовиться к Первому съезду Российской Фе-

дерации. И этот съезд был во многом гораздо более эффективным.

В чем был провал? — В том, что были рассогласованы концепция Союзного договора, концепция Союзной Конституции, если угодно, в виде Союзного договора, и концепция Конституционной реформы Российской Федерации. Андрей Дмитриевич Сахаров выдвинул на Первом съезде свой Декрет о власти. В дальнейшем, где-то в середине ноября 89-го года он обнародовал свой проект Конституции. В нем была сделана попытка увязать две линии: с одной стороны — политической реформы, реформы институтов власти и, с другой стороны, — реформы союзного устройства, создания нового федеративного Союза или, как потом говорил Михаил Сергеевич, конфедеративного государства.

В любом случае эта первая попытка с проектом Конституции Сахарова была очень интересной. Во многом это был проект с участием Галины Васильевны Старовойтовой. Это были те идеи, появление и обсуждение которых показывали, что мы мучительно начинали искать путь к новым эффективным институтам.

К сожалению, в дальнейшем Конституционная комиссия Союза так в итоге и не начала эффективную деятельность. Это очень печально. Академик Богомолов был тогда членом Конституционной комиссии Союза. Я даже давал туда свои экспертные заключения и разработки. Они были использованы Институтом государства и права. Опубликованы в журнале «Государство и право». Но наши ученые подошли к этому делу как «ученые». В первую очередь, передав свою концепцию Михаилу Сергеевичу в Конституционную комиссию, они опубликовали ее в журнале «Государство и право». Но этого было мало — надо было сделать так, чтобы заработала комиссия, созданная Союзным съездом для того, чтобы вести эффективную реформу. Конституционная комиссия Российской Федерации продолжила это, используя многие из обсуждавшихся тогда идей.

Я хотел бы сказать: то, что у нас происходит сегодня, — это результат того, что нам не удалось создать институты, сделать так, чтобы работали институты, а не только личности.

Во время своего визита в Японию В.В.Путин отвечал японским СМИ — были поразительные размышления о том, как он и Медведев будут договариваться в отношении последовательности смены власти, кто кого будет менять. При этом такая «мелочь», как выбор народа, всенародное голосование, даже не упоминалась... К огромному сожалению, это наследие того, что институты не работают, как часы. Потому и первая поправка в Конституции у нас — о 12-ти годах президентства, а не о свободе слова, как это случилось 200 с лишним лет в США. Разные у нас «первые поправки»...

Поэтому соглашусь с Ю.Н. Афанасьевым в том, что проблема — в новом мышлении. Михаил Сергеевич Горбачев тогда своевременно обозначил это как главную, ключевую проблему. Но нового мышления не возникло.

Думаю, что съезд сыграл огромную роль в переходе к новой системе. Но цена, заплаченная за этот переход, оказалась слишком высокой.

В.А. Лисицкий,

депутат Первого съезда народных депутатов СССР, Киев

У меня — короткая реплика. Хотел бы напомнить, что в 87-м году были приняты первые серьезные постановления ЦК и Совмина об экономической реформе. Я, Михаил Сергеевич, тогда поверил в Вас.

1987, 1988 и 1989: все последующее происходило в обстановке надвигающейся экономической катастрофы. И когда мы говорим о моделях, которым надо было бы следовать, то нельзя не учитывать, что нетерпение населения очень быстро нарастало.

Гайдар в своей книге о реформах в России вспоминает выступление Н.И. Рыжкова в ноябре 1990 г. (это было одно из последних выступлений Николая Ивановича на съезде), когда он впервые сказал на весь Союз и на весь мир, что у нас дефицит платежного баланса составляет 35 миллиардов долларов. Гайдар напоминает, в связи с чем это произошло. Такое трогательное совпадение: как раз перед приходом Михаила Сергеевича во власть по-настоящему, мировые цены на нефть «почему-то» упали. Вот так как-то «сложилось» (я специально го-

ворю это с определенной долей ехидства). И, конечно же, то, что не удалось реализовать наиболее результативные пути создания современной эффективной демократии тогда, на мой взгляд, произошло в ситуации, когда нетерпение и недовольство масс резко выросли. Вспомните, что творилось в магазинах. Один мой знакомый прилетел из Западной Германии, зашел в магазин и говорит: «Как вы тут можете жить?». Это, конечно, нужно было учитывать.

Историки, политологи, все те, кто занимается изучением истории парламентаризма, должны были бы об этом помнить. Как и о том, что, фактически, развалился СЭВ. Венгры, как и все остальные, отказались от переводных рублей: раньше мы их переводными рублями кормили, а они нам давали продукты. Помню, я привозил из Москвы отличную венгерскую индюшку и югославский чернослив. А потом все это исчезло. И осталась колбаса с бумагой...

М.А. Бочаров,

депутат Первого съезда народных депутатов СССР

Во-первых, разрешите поздравить всех и прежде всего депутатов Первого съезда, и в отдельности Михаила Сергеевича Горбачева с юбилеем. 20 лет — это серьезная дата. Думаю, что сегодняшний парламент (я имею в виду Государственную Думу РФ) и власть в целом могли бы тоже отметить этот юбилей...

Произошел сдвиг в сознании масс, когда нас избирали не по партийному принципу. В Советском районе, где я баллотировался, я был не единственный кандидат в депутаты. Независимо от того, что хотел или не хотел горком партии, в тяжелейшей борьбе я набрал 72 процента. Не потому, что я был директором Бутовского комбината. До этого 17 лет я отработал в газовой промышленности, был первым заместителем генерального директора всесоюзного объединения. Проработал три года заместителем директора в институте «ВНИИГАЗ».

Съезд дал колоссальный толчок появлению новых людей — думающих, не занимавшихся никогда политикой. Если сегодня мы сравним состав Первого съезда и состав сегодняшней Государственной Думы, — это будет небо и земля — в пользу

Первого съезда. Мы не думали тогда о том, как бы урвать кусок из бюджетных денег, о том, как взять и приватизировать предприятия. Да, мы хотели свободы. Да, мы хотели реформ. Мы получили часть свободы. А реформы продолжаются до сих пор.

Давайте посмотрим, с чего мы начинали и к чему пришли за 20 лет? Невозможно сегодня говорить о съезде просто как о событии двадцатилетней давности. Съезд — это, в определенной степени, итог и сегодняшнего дня. Не забывайте, что фактически депутаты Первого съезда в основном формировали новую российскую идеологию и поддерживали на выборах в Верховный Совет народных депутатов Российской Федерации многих талантливых людей. До сих пор работает часть законов, в принятии которых участвовали депутаты Первого съезда.

Я хотел бы сказать о реформах. Прошло 20 лет: посмотрите данные 89-го года по любым показателям — в экономике, в демографии, в социальных проблемах. Да, в магазинах было плохо. Но если вы возьмете статистические данные, то поразитесь: никакого ухудшения в 89-м году ни в одной области не было. Напротив, до 90-го года происходил рост.

У меня на столе лежат документы за 18 лет реформ: с 1990 г. по 2008 г. Подведем итог.

Демография: за годы реформ потеряно 12,5 миллиона человек. Экономика: потеряно в среднем 80 процентов по всем отраслям (машиностроение, судостроение, авиастроение вообще, практически, нулевые).

Мы уже сегодня говорим о переговорах с МВФ и Всемирным банком о получении кредитов. Кончились деньги — колоссальные деньги, которые собрали для реформ. Пущены туда, куда их пускали в течение девяти лет власти Путина, то есть в карманы. Образование — стоит денег. Детское воспитание — стоит денег. Здравоохранение невозможно сегодня развивать без денег.

Мы не можем картошку свою вырастить. Мы зажигалку сделать не можем, а покупаем в Китае. Зайдите на «Горбушку». — 95 процентов товаров Китая, качественно сделаны, блестя-

ще сделаны. Вы что думаете? Мы как депутаты СССР все эти годы просто смотрели и ностальгировали по тем временам?

Все годы группа депутатов (я возглавляю эту группу) писали, пытались выступать. Сегодня нам не дают слова на телевидении. Пресса не всегда берет наши статьи. Персональные письма. Я уже не говорю про Ельцина, так как я с ним работал и первый ушел в отставку, но уже Путину писали десятки писем. Путину писали документы. Пытались обратить внимание. Да, Дэн Сяопин — великий человек. Китай пошел по абсолютно правильному пути. Не хотите Китай — возьмите Малайзию. Махатхир Махамат за 18 лет этих же реформ сделал из страны (Малайзии) игрушку. Мы писали, как работал Эрхард, что делал Рузвельт.

Мы брали все лучшее в мире. И при чем здесь, условно говоря, коммунисты, некоммунисты. То, что сегодня делается и на выборах. То, что сегодня посмотреть, — ведь самое главное — результат: человек лучше живет или хуже. Экономика лучше работает или хуже. Экономика плохо работает, нет внешней политики.

Сегодня у России нет друзей. Нет друзей даже из бывших (условно говоря) союзных республик. Почему? Да потому что так мы работаем. Потому что сегодня «Единая Россия» принимает законы, прежде всего для узкого круга людей. На страну «Единой России» наплевать. Больше того, сегодняшней парламент России — единственный в мире имеет такое количество миллиардеров и миллионеров! Я мог бы назвать десятки фамилий...

В заключение хочу еще раз сказать: это юбилей, и я еще раз поздравляю всех с этим большим серьезным праздником.

А.В. Шубин,
историк

Если мы посмотрим на съезд как на конкретно историческое явление, мы увидим, что он состоит из двух половинок. Одна половинка — это та конституционная конструкция, которая была создана в конце 88-го года, и та драма, которая происходила на арене у микрофона. Вторая половинка — это то, что происходило за окнами.

И мы увидим, что это половинки с совершенно разными смыслами. Первая половинка авторитарна. Когда Михаила Сергеевича обвиняют в том, что он разнуздал демократию, я всегда его защищаю. Михаил Сергеевич умел быть авторитарным. И конституционные реформы 88-го года авторитарны. Об этом здесь сегодня уже говорилось.

Самое авторитарное в реформе 1988 г. — избирательные комиссии могли за избирателей решать, кто будет баллотироваться, а кто нет. Конечно, это были валы на пути протестного движения. Отсюда первый урок для тех, кто такие же валы выстраивает сегодня. Выстраивает вал на пути цунами — цунами будет выше и мощнее. В зале парламента у вас послушное большинство — тогда за окнами у оппозиции все получится хорошо.

Мы в душе аплодировали этой авторитарной реформе, хотя публично выступали против нее. Когда я говорю «мы», то имею в виду оппозиционное неформальное движение, в котором участвовал. Мы летом 1988 г. завидовали прибалтам с их десятками тысяч людей на митингах. Мы выводили на улицу только до десяти тысяч человек примерно. Но после этой реформы мы поняли: вот сейчас сотни тысяч пойдут. И они пошли. И это естественно.

Если говорить о ситуации в зале заседаний, то я должен сделать комплимент Михаилу Сергеевичу. Он осуществил вместе с Лукьяновым идеальную реформу, обеспечившую политический баланс. Если бы была принята система прямых выборов в парламент (она, кстати, существовала в брежневской Конституции, ничего тут даже менять было не нужно), в парламент сначала попало бы десять демократов. И они бы не переломили моральный номенклатурный климат. Они бы не «потянули» то грандиозное шоу, которое мы наблюдали по телевизору на Первом съезде. В случае прямых выборов по гигантским избирательным округам в условиях административного ресурса начала 1989 г. «профессиональный» парламент стал бы дубликатом ЦК и все.

Но приоткрыт фильтрованный проход к трибуне для «своих демократов». Для демократов, которыми Михаил Сергеевич блестяще дирижировал. Отсюда их нынешнее разоча-

рование, которое мы сегодня слышим. Им обидно, что тогда они были частью системы. Но не были бы частью — не попали бы в лидеры МДГ. Горбачев регулируемо кидал их в атаку на послушно-агрессивное большинство, которое бесилось и становилось от этого все более агрессивным, все менее, правда, послушным. Но обороняющимся. Михаил Сергеевич застраховал себя от судьбы Хрущева, которого ЦК снял с должности. Эта задача была решена.

Это была игра в социальный Чернобыль — можно было поднимать и опускать «регулирующие стрелки», пока их не заклинило от роста социальной температуры на улице, за окнами.

А на митинги в эти дни пошли сотни тысяч. Ими двигало возмущение против номенклатурного произвола на съезде и... интерес к мегазвездам.

Как создается мегазвезда? Сегодня мы с вами это знаем. Тогда мы только пробовали практиковать. Если человек все время говорит, говорит, говорит одно и то же, его авторитет и интерес к нему падают. Это, кстати, беда была, Михаил Сергеевич, и у Вас. В 1989–1990 гг. чем больше вас видели в телевизоре, тем больше усиливалось разочарование.

А если человек что-то яркое быстро сказал на съезде, не договорил, его заткнули регламентом и криками из зала. И это показали по ТВ (супер-раскрутка). Интерес огромный. Дайте ему трибуну, мы ее огородим своими анархистами и мемориальцами, и люди, увлеченные в этот момент политикой, поиском пути перемен, пойдут, как на концерт мегазвезды.

И, конечно, никакой Пугачевой та популярность не снилась, какая была у депутатов. Ведь они говорили о судьбе страны в момент, когда решалась ее судьба, когда от людей действительно многое зависело, и, в том числе, их собственная судьба.

Вещи, которые говорили ораторы в Лужниках — и депутаты, и видные «прорабы перестройки», и неформалы (и я там был, мед-пиво пил), — в большинстве своем были не оригинальны. Но это была программа, к которой склонялась активная часть населения. Кстати, по своему характеру она еще была вполне в русле демократического социализма. Самоуправ-

ление — предприятиям (не частная собственность, заметьте), власть — Советам, а не каким-то мэрам.

Гражданское общество стало политическим фактором. Оно, вопреки расчетам конструкторов съезда, резко усилило оппозицию.

И если бы в этот момент начался реальный диалог гражданского движения и власти, которая тогда выступала за демократический социализм, возможно, путь страны был бы другим.

Хотя это были и не свободные, но это были первые полусоветские выборы. Предыдущие советскими не были вообще. Там «советским» был только фасад.

И следующие выборы были действительно свободными, они передали власть представительным органам, которые назывались Советами и, возможно, в случае дальнейшего развития демократической тенденции, могли бы стать ими на деле. У нас в стране были одни свободные выборы — в 1990 году. Это действительно был момент истины.

Конечно, сегодня можно говорить, что люди и в стране, и на трибунах, и в парламентах были негодные, неопытные, часто — корыстные. Хотя я не уверен, что в такой ситуации опытные люди лучше — очень опытных я в таких ситуациях боюсь. Опытность во власти способствует корысти. «Хапок» 90-х гг. совершили те, кто считали себя опытными, эффективными собственниками. Результат налицо. Но в смысле технологии власти и аппаратных игр там, конечно, опытных людей было достаточно много.

Люди есть люди, со всеми их недостатками, и на то демократия, чтобы они могли воздействовать на власть в своих, а не в ее интересах.

Теперь надо ставить троеточие, чтобы было о чем поговорить на следующих юбилеях. В 1989 — начале 1990 г. мы одержали общую победу над угрозой реставрации. Но мы не смогли добиться прорыва в будущее, в 1990–1991 гг. Перестройка потерпела поражение, и страна, распавшись, стала деградировать — прошла просто другой, капиталистической дорогой. Это интереснейшая проблема — почему. Почему не состоялся союз реформаторов и гражданского общества на поч-

ве демократического социализма, за который выступали и те, и другие? Почему так сложилась судьба Союза, и была ли альтернатива его распаду? Проиграли мы «холодную войну», или она кончилась вничью миром? Грядут новые юбилеи.

Тем не менее хотелось бы напоследок сделать одно методологическое замечание. У нас принято отождествлять Перестройку (включая демонтаж коммунистического режима, в котором я не вижу ничего плохого) и распад СССР, шоковую терапию и те события истории РФ 90-х гг., которые потом создали вот то, что мы сейчас имеем. Я призываю как историк понимать и не упускать из виду — это два разных исторических явления. Шоковая терапия и распад СССР — это результат поражения Перестройки.

Мы должны винить, конечно, нас всех — участников Перестройки как виновников этого поражения. Мы не справились. Мы в разной степени ответственны за это. Но все-таки это поражение тех принципов, которые закрепил Первый съезд. И нам тогда многие эти принципы казались достойной целью для общества.

А потом Перестройка была предана своими прорабами — эффективными собственниками. Этого-то мы не учли. Мы давили на стену, а, оказывается, ее демонтировали с той стороны сторонники самого дикого капитализма. И стена рухнула, баланс нарушился, фигуры смешались на доске.

Сейчас для тех, кто признает свою долю ответственности (а остальные могут гордиться собой), я думаю, долг — восстанавливать те культурные связи, которые сохраняются на постсоветском пространстве, возвращаться к тем целям, которые все равно придется решать, если мы хотим остановить деградацию. Идеи демократического социализма в период кризиса, как никогда, актуальны. Нам нужно доделать то, что не смогла сделать перестройка. И только тогда мы сможем шагнуть в XXI век. Советский Союз исчез, а советские люди остались.

Н. П. Шмелев,

академик РАН, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

В последнее время мне часто попадаются «произведения» с набором проклятий и в адрес Горбачева, и в адрес перестройки. Хочется сказать: «Господа большевики, перестройка произошла в качестве расплаты за вашу тупость и за полную потерю вами инстинкта самосохранения. Некого винить. Вы потеряли чувство меры и чувство реальности. И сами подвели к этому.»

Я просто напомним. Нефтяной бум: с 73 года по 84-й страна заработала около 200 миллиардов долларов. Куда они пошли? Их попросту растранили без всякого смысла на СС-20, никому не нужные, на помощь ангольским войскам, на попытку достичь недостижимого ракетного и прочего паритета.

И, наконец, как вершина этой потери чувства реальности, вершина глупости — Афганистан, с которого все началось. Я считаю, что это был отправной момент для того, что произошло дальше — и афганская война началась в условиях и дефицита, и очередей, и отсутствия, вернее, почти отсутствия технического прогресса. Это, конечно, накаляло обстановку.

И, конечно, масштабы лжи — лжи и официальной, и неофициальной. Море лжи вокруг. Все это, конечно, подводило к тому, что, во-первых, перестройка обязана была быть. Во-вторых, нам повезло, что нашелся человек, который взял на себя ответственность, не испугался и камень этот с горы столкнул.

Я высоко ценю Первый съезд. Моя покойная жена как-то выразилась: «Ваш Первый съезд по сравнению с нынешним парламентом — это палата лордов». Я присоединяюсь к мнению о том, что калибр людей был тогда другой. Я бы не хотел даже пытаться дать полную картину того, почему хорошая мысль, хорошая конструкция, хорошая конституция все-таки не пробились. Но несколько важных моментов я бы все-таки отметил.

Я глубоко убежден в том, что насилие — зло. Но я убежден также, что если бы в 88-ом году на фонарях человек 20 в Сумгаите повесили, очень все по-другому пошло бы. Очень по-другому. А что же закрывать глаза на еще один всем известный

факт? Если бы в декабре 91-го года либо Псковскую десантную дивизию подняли, либо приказ Белорусскому округу отдали — вся эта кампания из трех пьяных мужиков была бы нейтрализована. На том бы все и закончилось.

Ну, а так получилось, как Блок когда-то говорил... Ведь не один Виктор Степанович у нас Златоуст. И другие были. Это знаменитые блоковские стихи: «В белом венчике из роз, впереди Иисус Христос». Но у нас два Христа были — Михаил Сергеевич Горбачев и покойный Андрей Дмитриевич Сахаров.

Но ведь дальше как это у Блока продолжается? «Запирайте этажи, нынче будут грабежи». Как всегда: идет впереди в белом венчике из роз кто-то, а затем толпа с кистенями в руках. И эта толпа-таки пришла.

Анализировать не хочу 90-е годы, да и 2000-е — тоже. Но наворотили столько дел под прикрытием святых слов, что как страна устояла, как она выдержала — тоже ведь загадка. Но каким-то образом, хотя и покореженная, и покалеченная, но она выжила. Это тоже мы должны признать.

И, кстати, здесь тревожились, что со свободой стало совсем плохо. Да, конечно, постепенно режим «демократического цезаризма» делается все гуще и гуще. Но все же я надеюсь, что до конца-то моей жизни (не так много осталось) не успеют возродить в обществе тот страх, который был поголовно (я подчеркиваю — поголовно) главным чувством советского человека даже нашего поколения. И у предыдущих двух поколений основное чувство было — страх.

И вот он куда-то исчез. И хочется думать, что при всем этом жиме, который мы наблюдаем, возродить страх уже не удастся. И в этом колоссальное значение перестройки — в том, что от того времени, от того Первого съезда в том числе, страх в людях стало исчезать.

Я даже по-другому бы сказал. Вот если бы до 89-го года кому-нибудь из вас постучали бы в дверь ночью, какая была бы ваша реакция? Любая, кроме удивления. Проклятья, слезы, все, что угодно, но никто бы не удивился, не было бы такого.

Конечно, ошибок было сделано много. И страх стал исчезать очень и очень медленно, и далеко не сразу в перестройку поверили.

Насчет будущего. Мне кажется, что нам пора отходить от планирования нашей жизни и от рассуждений в привычных терминах — ВВП, темпы роста, сколько процентов и т.д. (Кстати, кто надоумил нашего Премьера, что к 2020 году он в 4,5 раза производительность труда поднимет? Откуда это?)

Нужен иной метод решения государственных проблем, который вписывался бы и в новое мышление. Нужно планирование будущего по угрозам, по реальным угрозам, которые стоят перед нашей страной, когда еще нет твердых гарантий ее существования. Я бы просто прямо на ходу перечислил такие национальные угрозы: первое — конечно, вымирание страны. Кстати, не 12 миллионов, а 22 убыло с начала 90-х: 18 миллионов родилось, 40 умерло за это время.

Второе. Угроза отпадения, реальная угроза отпадения Восточной Сибири и Дальнего Востока, При большевиках, как известно, не особенно продолжалась политика заселения. Лагерь не были заселением этих районов. Но и в новые времена там отток населения порядка 2-3 млн. (есть оценки — 5 млн.) за эти годы. Подчеркиваю: не прибыль, а убыль населения. И в то же время экономически эти регионы все больше и больше втягиваются в русло азиатско-тихоокеанской экономики.

Я бы еще упомянул третью национальную угрозу. Что мы будем делать с промышленным потенциалом, который 70 лет создавали? Он почти лежит. Ему осталось еще максимум 10 лет. А мы за последние два десятилетия построили только один комплекс на Сахалине. Больше ничего 20 лет не строили. Никакой дороги не построили — ни железной, ни автомобильной, ни заводов никаких. Сколько еще оборудования при том возрасте, в каком оно сейчас находится (25 лет, по-моему, средний возраст оборудования), продержится? Лет 10 еще...

Еще угроза — наше сельское хозяйство. Не вам доказывать, что происходит. Это корень жизни во всем мире. Думаете, японцы рис у себя сеют потому, что это выгодно? Да это невыгодно! А только потому сеют, что на этом рисе вся национальная культура держится и жизнь держится. А если все безрезультатно зарастает и пустеет, то сам корень жизни исчезает.

Думаю, национальная угроза также — втянут-таки нас опять в паритет. Это очень страшно, потому что уже силенок

никаких нет — ни материальных, ни технических. Мы паритета не вытянем. Нам бы занять позицию генерала де Голля: «Я Советский Союз, победить, конечно, не смогу, но десяток уничтоженных городов я ему обещаю при любом раскладе». И ему хватило четырех подводных лодок для этой концепции! Только бы не дать нас втянуть в гонку за паритетность — это задача из задач сегодня перед страной.

И последнее — это угроза умственно-духовного, нравственного вырождения страны. Для компенсации ущерба, который политика 90-х и 2000-х годов нанесла умственному потенциалу страны, если даже с завтрашнего дня начнем все по разуму делать, — нужно два-три поколения. Мы восстановим свой научный и образовательный потенциал не раньше, чем через 2–3 поколения: иллюзий быть не может в этом.

А про коррупцию и духовное одичание — просто не буду говорить. Хотя что касается коррупции — сошлюсь на некоторые оценки. Такой трезвый человек, как Примаков, оценивает масштаб откатов в России примерно в 50 процентов валового продукта. (Это то, что через каналы отката движется.) С тоской вспоминаешь советские времена, когда такие же оценки делались (и я принимал в этом участие), когда получалось, что в Советском Союзе разворовывалось 12–13 процентов национального дохода. Хорошо бы вернуться к тому уровню: может быть, коррупции поменьше все-таки будет.

Заканчивая, я хотел бы сказать несколько слов о социал-демократии. Может быть, это иллюзия, но одна из последних моих иллюзий: все-таки есть будущее у социал-демократии, будущее у России. Это единственно правильный путь, та самая золотая середина, которую мы весь XX век искали и так и не смогли найти — либо один край, либо другой край.

Если удастся все-таки возродить серьезное социал-демократическое движение, может быть, это будет одна из возможностей нашего выхода из глубокого исторического тупика, в котором мы оказались.

Е.Н. Струкова,
историк

По логике сегодняшней дискуссии, мое выступление завершает ее историческую часть. 20-летний юбилей событий, который мы отмечаем, проходит достаточно тихо и незаметно. Это вовсе не потому, что не пройдена некая хронологическая дистанция, отделяющая исследователя от событий.

Двадцать лет, согласитесь, — это достаточный срок для того, чтобы оценить и переосмыслить события. Как это ни парадоксально, сейчас общество не готово дать оценку событиям, которые происходили у истоков становления нашего государства. Но, видимо, настало то время, когда в этом есть настоящая потребность.

Мне очень понравился тезис, что 89-й год стал концом перестройки. Может быть, он в какой-то мере и стал неким завершающим этапом в перестройке, но, во всяком случае, именно с 89-го года берут начало массовые общественные движения в Советском Союзе. Они начинаются с выборов народных депутатов СССР. Открытость этих массовых движений подтверждается громадным комплексом исторических документов и материалов, отложившихся в российских и зарубежных архивах. В первую очередь и в нашей Государственной публичной исторической библиотеке, и в библиотеке общества «Мемориал».

В отличие от официальных документов, которые сейчас не разобраны в государственных архивах, эти документы общественных движений в Исторической библиотеке доступны для исследователей.

В первую очередь речь идет о периодической печати общественных неформальных объединений, количество наименований которой в 1989 г. приближалось к 2000. Естественно, это неоднородный материал. Среди этих изданий есть газеты-однодневки, есть периодическая печать, которая издавалась достаточно стабильно.

Среди политической многоголосицы достаточно весомое место занимают издания клубов и объединений избирателей, такие как «Хроника», «Голос избирателя», «Доверие», «Позиция» «Репортер» и другие.

Безусловно, в этой печати нашли отражение сюжеты, связанные с Первым съездом народных депутатов.

В марте 1989 г. в Москве в поддержку опального секретаря МГК КПСС Б.Ельцина стихийно возникают инициативные группы. Выходит первый номер бюллетеня Московского городского комитета избирателей «Хроника». Собственно, это даже листовка, 1 страница, формата А4, отпечатанная на пишущей машинке. В конце листовки сообщалось, что редакция «приносит свои извинения читателям за допущенные опечатки, за некоторую небрежность, вызванные неукомплектованностью штата квалифицированными машинистками, редакторами, а также необходимостью немедленного доведения информации до избирателей». Что же нужно было оперативно донести до избирателей? Сообщения о препятствиях, чинимых инициативным группам в поддержку Ельцина. Выглядело это так: «На участке таком-то, Мария Михайловна — фамилию отказалась назвать... — запретила вывешивать агитплакаты кандидата Ельцина и сорвала вывешенные после ухода представителей МГК избирателей».

«Хроника» и многие другие газеты на протяжении последующего времени работы съезда поддерживали народных депутатов. Но в первую очередь именно личности, а не их программы. Так, много внимания уделялось «народным следователям» Т.Гдлянчу и В.Иванову.

Фактически первые программы, которые присутствуют в независимой печати — это документы Межрегиональной депутатской группы, и декрет о власти А.Д. Сахарова. Заключительную речь А.Д. Сахарова на Съезде народных депутатов напечатали многие неформальные издания.

На нашем заседании фактически не было никаких дискуссий и не ставилась проблема, связанная с деятельностью депутатов из Прибалтики.

Между тем и народные депутаты из Прибалтики, и издания Народных фронтов республик оказали достаточно большое влияние на последующий ход событий в СССР.

В частности, газета Народного фронта Латвии «Атмода» освещала все события, связанные и с выборами, и со Съездом народных депутатов. «Подпись за Ельцина сыграла опре-

деленную роль в победе на выборах таких людей, как профессор Емельянов, Заславской, Крайко, в выходе во второй тур Станкевича» — писала газета в те дни. Нам интересен автор этой статьи — будущий национал-большевик, известный как Абель, а в те годы независимый журналист В. Линдерман. Далее автор пишет: «Вообще надо сказать, что если в Балтии национальная проблематика основательно потеснила вопрос о спецпайках и спецбольницах, то в Москве просто нельзя не почувствовать клокочущие антиноменклатурные настроения, чем, видимо, в значительной степени и объясняется феномен Ельцина».

Нужно сказать, что не все бывшие неформалы были едины в поддержке избирательной кампании и активно в ней участвовали. В частности, одна из наиболее известных организаций периода перестройки — партия «Демократический союз» — объявила выборам бойкот. А главный редактор другого правозащитного бюллетеня «Экспресс-хроника» А. Подрабинек писал: «Выборы бывают только свободные. Сегодня мы в нашей стране их не имеем».

Общественное движение 1989 г. наполовину вышедшее из недавних неформалов, наполовину из присоединившихся к ним на волне выборов активистов, в том числе и случайных людей, было разнородным, сказывалось отсутствие общей программы, и, пожалуй, единственное что объединяло всех, — «антиноменклатурные настроения».

Газета «Атмода» напечатала репортаж о встрече А.Д.Сахарова с депутатами Прибалтики перед началом съезда, на которой участники так сформулировали проблемы, решения которых ждут от съезда: «Первый круг — экономика, экология социальные проблемы, второе — национальные. Третье — вопрос о доверии власти».

Именно доверие людей к власти в этот момент было утрачено, и в обществе преобладающими стали «антиноменклатурные настроения», а не стремление к демократическим преобразованиям.

В.А. Медведев,

член-корреспондент РАН, советник Президента СССР

Мы сейчас с Роем Александровичем сидим рядом — так же, как на заседаниях Съезда народных депутатов. Вначале места для «руководителей партии и правительства» были определены в первом ряду зала, но потом по требованию депутатов и под давлением общественности нас всех разместили по алфавиту в зале. Помню, как кто-то, проходя мимо нас, заметил: «О, Медведевых целый рой!». Этот рой и сегодня не убывает.

Я подготовил довольно пространное выступление. Но чувствую, что от него придется отказаться. Ограничусь отдельными соображениями и замечаниями с учетом того обсуждения, которое здесь развернулось.

Согласен, конечно, с самой высокой оценкой исторической роли Первого съезда народных депутатов. Это действительно было поворотное событие в развитии страны, проведенное с беспрецедентной гласностью и приковавшее к себе огромное внимание в стране и международном сообществе. И он оправдал вызванные в обществе ожидания, приняв высшее государственное решение о коренной перестройке общественно-политических порядков в стране.

Статья 6 Конституции тогда затронута не была, но основной документ съезда — Декларация (я был председателем Редакционной комиссии съезда и докладывал этот документ съезду) начиналась следующими словами: «Съезд народных депутатов берет на себя всю полноту государственной власти в стране». Эта фраза, так же, как и Декларация в целом, не была заранее заготовлена: она родилась в стенах самого съезда, отвечала на те вопросы, которые прямо или косвенно звучали в дискуссии на съезде. В своем заключительном выступлении академик Сахаров предложил принять специальную декларацию о переходе всей власти в руки съезда. Но в этом не было никакой необходимости, ибо она содержалась в уже принятом основном документе.

Нельзя не подчеркнуть, что принятие власти съездом не было пустой декларацией. Оно подтверждено всей работой съезда, горячей дискуссией по коренным вопросам внутренней и внешней политики. Напомню о том, что съезд сформи-

ровал политическое руководство страны: образовал Верховный Совет СССР, альтернативным голосованием избрал Председателя Верховного Совета, назначил Председателя Совета Министров, а Верховный Совет персональным голосованием утвердил состав правительства, причем трое из кандидатур министров, рекомендованных в ЦК КПСС, были отвергнуты.

Все это говорит о выдающемся историческом значении съезда. Но вместе с тем я хотел бы подчеркнуть, что Первый съезд не был «громом среди ясного неба» или «лучом света в абсолютной темноте». Его следует рассматривать в общем историческом контексте перестройки и демократизации, глубоких перемен в советском обществе — его экономике, духовно-идеологической сфере, внешней политике. Что касается модели политического переустройства общества, то она за год до этого была рассмотрена и одобрена XIX партийной конференцией.

Мне привелось участвовать в ее подготовке. Не могу не возразить тем выступавшим сегодня ораторам, которые утверждали, что автором модели Съезда народных депутатов был Лукьянов. Она взята из нашего исторического опыта. Уж если кто и автор, так это Ленин, увидевший в Советах зародыш революционной власти и провозгласивший советскую власть на Втором съезде Советов. Восстановить ленинскую традицию съездов Советов с учетом новых условий и предложил Горбачев. При чем тут Лукьянов? Откровенно говоря, я не был уверен в правильности такого решения и высказывался за парламентскую или президентскую республику. Но потом убедился, что эта модель отвечала переживаемому моменту. Ведь, помните, тогда речь шла о том, что перестройка — это революция, которая всколыхнула народ. Нужен какой-то формат для народовластия. Потому и обратились к опыту съездов Советов, рожденному российской революцией.

Перестройка политической системы началась почти на год раньше с ее ядра — партии, с освобождения ее от властных функций, непосредственного управления политическими, экономическими и социально-культурными процессами. В Центральном Комитете, например, были упразднены все отраслевые отделы, кроме аграрного, а их число сократилось с

20 до 8-ми. (а что такое отдел ЦК, я думаю, многие хорошо представляют).

Секретариат перестал вмешиваться в текущую деятельность госорганов, регулярно заседать и устраивать разносы их руководителям. Были созданы пять комиссий ЦК во главе с членами Политбюро по основным направлениям политики партии — из членов ЦК и кандидатов в члены ЦК.

Перестройка политической системы, находившаяся в центре внимания Первого съезда народных депутатов, не может рассматриваться и вне связи с изменениями в других сферах жизни общества. К этому времени глубокие перемены развернулись в сфере общественного сознания, идеологии и культуры. Знаковыми событиями здесь стали:

- публикация ранее запрещенных книг, показ фильмов, лежавших на полках;
- переоценка исторических событий последних десятилетий в стране;
- массовая реабилитация жертв сталинско-бериевских репрессий;
- возвращение из ссылки Сахарова;
- появление в СМИ критически настроенных изданий, программ ТВ, журналистов и публицистов;
- фактическое свертывание цензуры, существовавшей под ширмой охраны государственных тайн в СМИ.

Я вспоминаю, что одной из первых моих акций в качестве Секретаря ЦК по идеологии было предложение в Политбюро об отмене Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Конечно, такая отмена носила символический характер — ведь что было, то было: слова из песни не выкинешь. Но все же пошли на такое решение, чтобы отмежеваться от тоталитарного прошлого.

В целом же, я думаю, перемены в духовно-идеологической сфере были наиболее адекватны перестройке политической системы, или, наоборот, политическая реформа наиболее созвучна обновляемой идеологии. Вместе с тем этого нельзя сказать об изменениях в экономической системе. Программа кардинальной экономической реформы была одобрена почти за два года до Первого съезда народных депутатов — на ап-

рельском Пленуме ЦК КПСС 1987 года. Она предусматривала переход от сверхцентрализованной, командной экономики к планово-рыночной, превращение госпредприятий в реальные субъекты рыночных отношений, развитие аренды, кооперации индивидуальной трудовой деятельности.

Как участник ее разработки могу засвидетельствовать, что она протекала в острой полемике с руководством правительства и Госплана, с попытками с их стороны под новыми терминами сохранить старую систему. Отсюда — компромиссность, непоследовательность некоторых решений.

Реформа 1987 года дала определенный положительный эффект. 1988 год оказался в экономическом отношении лучшим, чем все предыдущие и последующие годы перестройки. Национальный доход вырос на 4,4%, а производство потребительских благ и услуг — на 5,5% против 1–2% в предшествовавшие годы, не говоря о последующих.

Но в то же время после пленума со стороны хозяйственных органов разного уровня постепенно, но неуклонно, стала нарастать тактика сопротивления и проволочек в реализации экономической реформы. Это и навязывание контрольных цифр, спускаемых сверху как обязательных, и стремление втиснуть в госзаказ максимум выпускаемой продукции, сохранить систему материально-технического снабжения вместо расширения свободной купли-продажи средств производства. И, пожалуй, самое главное — оттягивание реформы цен и ценообразования, без которой переход к новому хозяйственному механизму был невозможен.

И получилось так: старые инструменты экономического регулирования отпали или ослабли, а новые не заработали. Это относится к таким важным для стабильности рынка проблемам, как соотношение роста производительности труда и зарплаты, а также перетока безналичного оборота денег в наличный. В результате с конца 1988 — начала 1989 годов на потребительском рынке стала нарастать разбалансированность. При рекордном в 1988 году приросте потребления товаров и услуг на душу населения в 4,3% денежные доходы выросли на 9,2%. А в 1989 году эти цифры составили уже 5 и 13,1%¹.

¹ Народное хозяйство СССР в 1989 г. М. «Финансы и статистика», 1990 г., с. 8.

Как шутили тогда остряки: полки магазинов пустые, а домашние холодильники забиты продуктами. Возникли перебои в торговле мясом и маслом. Периодически исчезали с прилавков то колготки, то стиральный порошок.

Мне иногда удавалось возвращаться с работы домой пешком по старому Арбату. Смысл одной из частушек уличных певцов был такой: «Где мыло, стиральные порошки? — Все они ушли на отмывание КПСС».

М.С. Горбачев

Ты сказал: было выпущено много денег. Но ведь не так просто с бухты-барахты — взяли и выпустили. А на самом деле ты главного не сказал, и мне приходится добавлять: 6 млрд. пошло на повышение зарплаты учителям, 5 млрд. — медикам. И, наконец, — пенсионная реформа. У нас же не было нормальных пенсий. Как Бог на душу положит — так и платили. Впервые приняли Закон о пенсиях. Он стоил нам 45 миллиардов рублей. У нас был разрыв между товарной массой и денежной массой и до того — где-то 70 млрд. да плюс еще эти 70. И началось.

В.А. Медведев

Михаил Сергеевич, я говорил не о социальных расходах, а о доходах работающих в экономике и связи их с производительностью труда. За это должно было отвечать правительство и, прежде всего, его глава.

М.С. Горбачев

Правительством у нас было Политбюро. И ты был его членом. А я, между прочим, руководил этим Политбюро. Вот и все.

В.А. Медведев

Я и не снимаю с себя ответственности. Но перед Политбюро каждый, прежде всего, отвечал за свое...

Конечно, справедливости ради, нельзя не сказать и об объективных причинах нарастающих финансово-экономичес-

ких трудностей страны. В немалой степени они порождены трехкратным снижением мировых цен на нефть в первой половине 80-ых годов. Потери от него до поры до времени в какой-то мере компенсировались увеличением добычи нефти. Ее пик приходится также на 1988 год, после чего кривая пошла вниз. Но это уже тема для другого разговора.

Одно можно сказать: усложнение экономической обстановки, какими бы причинами оно ни вызывалось, не могло не отразиться на атмосфере, в которой происходил съезд. По моему мнению, и в дальнейшем при всей взаимосвязи различных сторон и факторов общественной жизни наибольшее негативное влияние на развитие ситуации в нашем обществе и на судьбы перестройки оказали социально-экономические проблемы.

А.В. Яблоков,

эколог, депутат Первого съезда народных депутатов СССР

После многих емких выступлений выступать, с одной стороны, трудно, а с другой стороны, хорошо, потому что многие оценки Съезда, точные и яркие сравнения уже сделаны, они созвучны моим представлениям и нет смысла их повторять.

Съезд, конечно, был результатом целого ряда процессов. Это были процессы, которые начались, как мне видится, примерно с 1987 года, и привели к невероятно быстрому развитию СССР и всей «советской империи» не по линии строительства коммунизма, скажем так.

Причин для такого быстрого развития страны было немало, о них уже говорилось — это и социально-экономические, и идеологические проблемы. Я вижу еще одну причину — Чернобыль. Через работы по минимизации Чернобыльской катастрофы прошел почти миллион человек. В СССР вся Белоруссия, половина Украины, 19 областей и республик России, Молдова, Латвия, Литва и Эстония были поражены радиоактивными осадками. Сильно загрязненными оказались части Восточной Германии, Польши, Болгарии, в меньшей степени — Чехословакии и Румынии. Жизнь 5–6% взрослого населения СССР оказалась разделенной на «до» и «после» Чернобы-

ля. По масштабу это сопоставимо с периодом сталинского террора и войной 1941–1945 гг. Стихийно и повсеместно возникшие общественные объединения ликвидаторов, не сознавая того, стали огромной политической силой, выпадающей из (и объективно действующей против) официальной идеологии. Технологически Чернобыль был не случайным — атомная промышленность шла к этому, и рано или поздно подобное должно было состояться. Чернобыль напряг и без того находившуюся в катастрофическом состоянии экономику. Михаил Сергеевич в одном из выступлений сказал: с Чернобыля начался развал Советского Союза. И я с этим согласен. После Чернобыля Советский Союз было невозможно сохранить! Считать, что СССР погубили три человека в Беловежской Пуще, — несерьезно. Я считаю, что крест на СССР был поставлен референдумом на Украине («нет» сохранению Украины в составе Советского Союза). А главным лозунгом украинского референдума был: «Не хотим жить с москалями, которые сделали нам Чернобыль».

М.С. Горбачев

И еще потому, что «они забирают у нас всю колбасу».

А.В. Яблоков

В этом невероятно быстром политическом развитии СССР в 1987–1989 годах трудно преуменьшить личную роль Михаила Сергеевича Горбачева. Если бы на месте Михаила Сергеевича был любой другой член Политбюро — история пошла бы по другому. Могло бы быть, в том числе, море крови. И в этом мирном переходе СССР к демократическому обществу ключевую роль сыграл Съезд народных депутатов, гениально придуманный и проведенный (конечно, не только Горбачевым, но при его определяющем влиянии). В этом смысле съезд стал квинтэссенцией, важной для всего мира и, конечно, в первую очередь для СССР, исторической миссии Горбачева.

Для меня Съезд обозначил решение двух весьма разных проблем: утверждение демократии (об этом много сегодня говорилось) и осмысление экологических проблем. Почти все депутаты говорили об экологических проблемах. Даже Нико-

лай Иванович Рыжков, выступая при утверждении правительства, сказал: «Правительство должно позеленеть». Это был как лопнувший нарыв.

М.С. Горбачев

1300 предприятий, остановленных...

А.В. Яблоков

Остановленных, в том числе, по причине экологического неблагополучия, в отчаянной попытке модернизации. Кстати говоря, один из реальных результатов этого «позеленения» руководит этим заседанием — Михаил Сергеевич Горбачев. Он тоже стал «зеленым». Ведь в XXI веке имя Горбачева в мире (как великого политика XX века) связывается и со всемирной водной инициативой, и с Международным Зеленым Крестом, почетным Президентом которого он является.

То есть та линия позеленения...

М.С. Горбачев

Поэтому ты сейчас мягче обо мне уже говоришь, чем двадцать лет назад....

А.В. Яблоков

Что произошло после Съезда? Оба великих достижения Съезда, — демократия и осмысление экологических проблем, — рухнули. Сейчас анти-демократия и анти-экология. Историкам предстоит нелегкая задача разобраться, как вместо экологизации получилась де-экологизация, а вместо демократии — вертикаль власти.

Я согласен с Николаем Шмелевым, когда он сказал о вызовах или угрозах современному обществу. Но об одной из основных угроз он не сказал. В России под колесами автомобилей гибнет ежегодно 35–40 тыс. человек, от пьянства гибнет еще около 40–43 тыс., от наркотиков — около 90 тыс. человек в год. А по причине экологического неблагополучия, — по данным Всемирной организации здравоохранения— в 2004 году погибло 492 тысячи! Из 40 миллионов россиян, умерших за го-

ды после Съезда, по меньшей мере, 8 млн. человек могли бы жить и сейчас. Вот цена того, что новые реформаторы повели страну по пути дезэкологизации и, начиная с 1995 года, свернули с пути, четко обозначенного на съезде. После распада СССР российские депутаты приняли экологическую эстафету нашего съезда и сделали очень хорошие российские экологические законы. К настоящему времени все эти законы — без исключения! — опасно изменены.

Съезд народных депутатов СССР навсегда останется в истории как ярчайшее и кульминационное политическое событие. Я согласен с образной оценкой съезда, которую сегодня дал Федор Бурлацкий: «Съезд пропал недаром». И я согласен с тезисом, который сформулировал Михаил Сергеевич в начале нашей встречи: съезд показал, какие огромные потенциалы таятся в обществе, их только надо раскрыть.

В коротком выступлении нельзя детально обосновать высказываемые положения — прошу принять их как идеи, требующие дальнейшего научного обоснования (или опровержения) в детальной исторической работе.

Т.Е. Ворожейкина,

политолог, независимый исследователь

Немного поколебавшись, я тоже решила начать свое выступление с личной благодарности Михаилу Сергеевичу за то, что мне довелось пережить в конце 1980-х гг. Думаю, что в моей жизни такого уже не повторится. Но, признаться, я не вижу ничего особенно хорошего в том, что самые глубокие изменения, которые произошли в стране в конце XX века, были начаты сверху и, видимо, не могли начаться по-иному..

1989-й год и в особенности Первый съезд народных депутатов СССР (мне уже приходилось об этом говорить здесь в конце прошлого года) — это высшая и, к сожалению, переломная точка того процесса, который, как мне кажется, мог прервать бесконечное воспроизведение одного и того же типа отношений власти и общества и вывести страну за пределы зависимости от предшествующей траектории развития. Первый съезд народных депутатов был переломным во многих смыслах (здесь уже об этом говорилось). Я назову только два из них.

Во-первых, именно на съезде оформляется и больше никогда уже не преодолевается раскол между демократическим движением и реформаторской частью номенклатуры, которую возглавлял Михаил Сергеевич Горбачев.

Во-вторых, на съезде произошел, по-моему, очень важный психологический перелом. Мне это пришло в голову после съезда, в июле-августе 1989 г., когда начались шахтерские забастовки, когда Народные фронты прибалтийских республик начали открыто действовать на разрыв и выход из Советского Союза. До съезда было ощущение, хотя и смутное, какого-то общего движения к общей цели. После съезда страна пошла если не вразнос, то вразброд, началась жесткая борьба частных интересов. Такое развитие было, наверное, неизбежным. Но проявился этот перелом именно на съезде и сразу после него.

В этом и еще в некоторых других отношениях после Первого съезда начинается нисходящая тенденция, которая окончательно оформляется к 1991–1993 гг. После 1989 г. ускоренно накапливаются и нарастают проблемы, которые приводят к разрушению страны и все больше тормозят ее дальнейшее демократическое обновление.

Почему так произошло? Поскольку времени мало, я назову только самую общую причину и в общих словах. Мне кажется, что главная причина заключается (и здесь я не соглашусь с тем, о чем говорил глубоко мною уважаемый Юрий Николаевич Афанасьев) в том несоответствии глубины происходивших общественных, политических и культурных изменений, которые с 1987-го года приняли лавинообразный характер, и субъективного восприятия, субъектной роли тех, кто эти изменения осуществлял.

Я имею в виду, условно говоря, три группы людей и три силы. Это, во-первых, реформаторская номенклатура во главе с Михаилом Сергеевичем. Думаю, что Михаил Сергеевич не был готов (и в протоколах съезда это хорошо видно) воспринимать демократическое движение как самостоятельную силу, а не только как силу поддержки возглавляемой им перестройки.

Во-вторых, демократы и Межрегиональная депутатская группа и во время съезда, и после него явно переоценили свое влияние в стране, которая располагалась за пределами Москвы и Ленинграда. На мой взгляд, именно на съезде ими был сделан важный шаг на том пути, который, в конечном счете, привел нас туда, где мы находимся сейчас. На Первом съезде оформляется союз демократов с Ельциным, союз, в котором демократы занимают все более подчиненное положение по отношению к той части номенклатуры, которая пошла за Ельциным («третья сила»). Победа этой коалиции в августе 1991 г. в исторической перспективе оказывается пирровой: с 1991 г. начинается постепенное, а с 1993 все более ускоряющееся возвращение в наезженную историческую колею, о которой говорил Юрий Николаевич Афанасьев. В самом общем виде речь идет о традиционной российской структуре, где власть доминирует над обществом, а исполнительная власть — над всеми остальными ее ветвями. Задним числом очевидно, что в конфликте между Горбачевым и Ельциным подлинное, хотя и не реализованное, историческое обновление, разрыв с традиционной российской системой господства, олицетворял Горбачев, который стремился, по сути дела, к формированию институциональных механизмов разрешения конфликтов через политическую сферу. В то время как Ельцин и пошедшие за ним демократы выступили вполне в духе исторической традиции: не компромисса, а навязывания интересов тех сил, которые оказались в данный момент у власти, прежде всего через усиление ее исполнительной ветви. Как ни боролись уважаемые мною депутаты Румянцев и Шейнис за разделение властей в Российской Конституции, в ней с самого начала доминировала президентская, исполнительная власть. С этой точки зрения, новая Российская Конституция была вполне в русле не только советской, когда не было никакого разделения властей, но и вековой российской традиции, которая сформировалась с конца XV — начала XVI веков.

Мое несогласие с Юрием Николаевичем Афанасьевым заключается в следующем. То обстоятельство, что мы вновь в эту историческую колею вернулись, как он сказал, не отменяет того факта, что были «окна возможности» для выхода из этой исторической колеи. Я думаю, что в период 1987–1991 гг.

была предпринята важнейшая в современной истории России попытка выхода из этой колеи. И то, что эта попытка провалилась, — результат не исторического предопределения, а того, что мы не понимали смысла и характера возможностей, которые тогда открывались, и не действовали в соответствии с ними.

Поскольку я выступаю в секции, которая называется «Эволюция отношения общества к демократии и политическая система современной России», я хочу кратко сформулировать свою позицию и по этому вопросу. На мой взгляд, история периода с 1993–2009 гг. — это история деградации политических институтов и страны в целом в ее социальном и социокультурном облики.

Если говорить о политических институтах, то именно в этот период — с середины 1990-х гг. подспудно, а с конца 1990-х и в 2000-е явно — на месте государства формируется корпорация, открыто реализующая частные интересы узкого круга лиц и группировок, контролирурующих ключевые государственные посты. Происходит фактическая деинституционализация политической системы, особенно очевидная по сравнению с теми, хотя и робкими попытками институционального строительства, которые осуществлялись в конце 1980–1990-х гг.

В этом отношении нынешняя ситуация, как мне представляется, хуже, чем в советское время. Я позволю себе процитировать очень понравившийся мне отрывок из статьи Дмитрия Шушарина на сайте «Грани.ru». Он пишет: «Советская власть отличалась высокой степенью формального демократизма, даже во внутрипартийном устройстве. И абсолютным доминированием неформальных элементов управления. Сейчас же мы наблюдаем последовательную формализацию весьма одиозных и откровенных элементов кланового устройства. Открыто и без особых затей оформляется приватизация государства, ликвидируется разделение властей, свободные выборы, партийное устройство». Я думаю, что очередным, хотя, очевидно, не последним шагом на этом пути, является реформа Конституционного суда.

Здесь я хотела бы перейти к последней проблеме, которая до сих пор сегодня не затрагивалась, но которая для меня

лично является очень болезненной. Это проблема всеобщего ожидания очередной либерализации сверху. Как ни странно, исторический опыт перестройки и роль в ней Горбачева играют очень важную роль в формировании таких ожиданий. То обстоятельство, что предыдущий опыт демократизации был связан с политической фигурой, занимавшей высший государственный пост, укрепило в мозгах большинства российских интеллектуалов — либералов, демократов, социалистов — уверенность в том, что только так и могут начинаться демократические преобразования в России. Поэтому мы ждем «второго Горбачева».

Я имею в виду распространившийся с весны 2008 г. миф о том, что Дмитрий Медведев назначен президентом страны для того, чтобы осуществить в ней политическую либерализацию. Интересно, что вначале сам Медведев ничего особенного для распространения этого мифа не делал, но надежды были столь велики, что все дружно поверили в грядущую либерализацию. О реальном содержании этой либерализации свидетельствуют, на мой взгляд, три ключевых события медведевского года — война в Грузии, уже упомянутая мной реформа Конституционного суда и недавно созданная Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Последняя представляет собой попытку введения фактической цензуры по ключевому периоду советской истории — истории Великой отечественной войны, которую нынешняя власть использует как практически единственное средство собственной легитимации.

Этим реальным военным, политическим и идеологическим шагам противопоставляются демонстрационные акты, такие как интервью Медведева «Новой газете» или широко разрекламированная встреча в памфиловском совете. Я думаю, что дела, а не слова, свидетельствуют о том, что реальная политика президента Медведева представляет собой продолжение путинского курса постепенного и «выборочного» ужесточения авторитарного режима. Николай Шмелев назвал его режимом цезаристской демократии. На мой взгляд, это режим авторитарный, более того, он претендует (как свидетельствует создание Комиссии против фальсификации истории и по-

правки в Уголовный кодекс, вводящие уголовное наказание за такую фальсификацию) на идеологический контроль над умами людей, а не только полицейский контроль над их поведением.

Почему в этой ситуации мы продолжаем ждать «второго Горбачева» и почему он, как я считаю, не может появиться? Нынешняя система, на мой взгляд, существенно отличается от советской. Коррупция сегодня — это не отклонение от нормы, это важнейший системообразующий фактор, связанный с формированием частной корпорации под вывеской «Российское государство». Конечно, в советской системе коррупция также была очень высокой, но она была ограничена некоторыми формальными правилами, грубое нарушение которых могло привести к утере статуса. Одной из таких формальных институций был партбилет, которого можно было лишиться и уйти в политическое небытие. Нынешняя коррупция, как правильно отмечает Шушарин, не нуждается ни в каком прикрытии — люди уже ничего не стыдятся и практически не прячутся. Такая система в принципе не допускает появления наверху человека, не включенного в коррупционные связи и стремящегося их разрушить.

Иначе говоря, в такой системе «второму Горбачеву» неоткуда взяться. В том маловероятном случае, если такая фигура появится (или, скорее, будет назначена), она неизбежно будет носить имитационный, пародийный по отношению к «первому Горбачеву» характер, подобно тому, как Путин в некоторых отношениях представляет собой пародию на Сталина. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, исторические повторения неизбежно оборачиваются фарсом.

Кроме того, любая попытка демократизации сверху, не опирающаяся на социальные и политические движения снизу, будет снова обречена на провал и повторение пройденного. Я думаю, что опыт перестройки в этом отношении достаточно очевиден, коллега Шубин говорил здесь о неиспользованном потенциале низового демократического движения конца 1980-х — начала 1990-х гг.. Никакие институты политической демократии в современной России не могут быть устойчивы без демократизации социальных отношений, т.е., без осуще-

ствления коллективных действий, которые противостояли бы произволу частных структур, осуществляемому от имени государства на всех уровнях — от милиционера до национального лидера.

М.С. Горбачев

Выступление Татьяны Ворожейкиной мне показалось интересным и убедительным, хотя я не все в нем приемлю.

89-й год нанес сильнейший удар по всей политической системе, потому что люди поверили в свои силы. Но что интересно? — Среди избранных народных депутатов оказалось 84% коммунистов. Такого никогда не было среди депутатов — было 47–49%. Значит, речь шла не о том, коммунист ты или нет, а о том, что люди знали, кого стоит поддерживать, а кого — не стоит: 35 первых секретарей (в их числе — Первый секретарь Ленинградского горкома партии), имея в своем распоряжении все ресурсы, потеряли власть.

На следующий день после выборов в ЦК члены Политбюро собрались для обмена мнениями. Небывалое дело! — Я не мог усадить их за стол, остановить разговоры. Члены Политбюро были потрясены результатами голосования — тем, что 35 первых секретарей не были избраны.

Я сказал: «Послушайте, но ведь избрали 84% коммунистов — ничего подобного раньше не было: 84% коммунистов избраны без всякого составления списков в партийных комитетах, без проталкивания. Избраны на свободных выборах! Это же показатель поддержки. Поддержки перестройки». Вдруг раздается голос (по-моему, голос Лигачева или Вороникова): «Да что это за коммунисты?!»

Оказывается, вот в чем дело — в расколе между номенклатурой (реальной властью) и обществом. Политбюро было шокировано. Шок перерос в «выводы»: неспроста Августовский путч 91-го года организовали и возглавили люди из моего окружения, члены Политбюро.

После выборов Политбюро начало создавать сеть поддержки. Начали проводить сборы: в одном случае — встреча руководителей городов-побратимых, в другом случае — городов-героев и т.д. Начали кругами создавать эту сеть. А недо-

вольных было много, особенно среди первых секретарей: все испугались, потому что испытание демократией КПСС не выдержала — это было самое главное.

Основной раскол произошел между номенклатурой, КПСС и реформаторами. Номенклатура объединилась — хотели и Ельцина использовать. По сути дела, уже начала возникать параллельная партия. В апреле 91-го года было подготовлено все, чтобы избавиться от Горбачева: «не избавимся от Горбачева — нам не по плечу решение других задач».

Я все это знал. Думал, что мы их все-таки опередим, не дадим им перехватить историческую инициативу (и многое, по-моему, удалось). Но я не хотел действовать методами расправы, уничтожения. Лучше уйти, если не можешь действовать иным путем. Это мое убеждение, моя природная суть — демократичность и уважение к людям.

Меня часто спрашивали: потерпела ли Перестройка поражение? Моя точка зрения такая: Перестройка оборвалась. Ей был нанесен колоссальный удар. Я как политик, который возглавлял ее, конечно, проиграл. Но Перестройка победила. Потому что благодаря тактическим, политическим ходам нам удалось дойти до «пункта невозврата». Но надо постоянно наблюдать за тем, не происходит ли обратное движение. Скажем, то, как сейчас у нас действует партийная система, — это беда: мы опять оказываемся под властью одной партии, да еще представляющей собой плохую копию КПСС.

Меня беспокоит многое, и я открыто говорю об этом. Думаю, что, имея опыт, какой имеем мы (этот опыт — колоссальное богатство!), нужно открыто говорить о том, что мы поддерживаем и что отвергаем. Мы должны пытаться донести до общества понимание необходимости продолжения демократических процессов. Ленин говорил, что не надо бояться человека с ружьем. А нам не надо бояться, если говорят, что у нас ничего не получится. Когда мой отец попал на Курскую дугу, они 72 километра шли маршем — и прямо в окопы. Он оказался в том изгибе, куда был рассчитан удар. Бросали листовки: «вы в мешке, осталось его только завязать, сдавайтесь!» Но ведь не сдались! А потом дошли до Берлина. Значит, не надо паниковать.

Большинство выступлений, которые я слышал сегодня, — серьезные, аргументированные выступления. Благодарю вас за участие в сегодняшней дискуссии.

В.Л. Шейнис,

*экономист, политолог, народный депутат РСФСР/РФ
в 1990–1993 гг., депутат ГД в 1994–1999 гг.*

Как и Ю.Н.Афанасьев, выступавший одним из первых, я испытываю глубокое уважение и благодарность к Горбачеву. Не раз говорил и писал, что развязать в нашей стране те силы, которые покончили с коммунистическим тоталитаризмом в середине 80-х годов прошлого века, мог только он — и в том его величайшая историческая заслуга. Годы перестройки в моей жизни, как и в жизни многих близких мне людей, были, наверное, самым счастливым временем. В то же время в обмене мнениями по поводу нашего прошлого и упущенных возможностей, который сейчас состоялся между Михаил Сергеевичем и Татьяной Ворожейкиной, я на стороне моей молодой коллеги. Предмет разногласия — верное и ошибочное, возможное и невозможное в стратегии и тактике основных акторов политического процесса в 1989–1991 гг.

То были действительно переломные годы. Те, кто жил в то время, никогда не забудут демократическую весну 1989 г., подъем, эйфорию, с которыми наше общество приняло Первый съезд народных депутатов СССР, раскованную атмосферу съезда, выступления депутатов, многие из которых становились событиями дня. На съезде свободно обсуждались такие табуированные прежде вопросы, как советско-германские договоры 1939 г. и секретные к ним протоколы, афганская авантюра престарелых кремлевских вождей, апрельская бойня в Тбилиси, привилегии бюрократии. Был обозначен путь выхода из экономического и политического кризиса. В те дни никто, даже обмолвившись, не посмел бы сказать, что парламент — не место для дискуссий. В лице съезда народ увидел чуть ли не впервые проклюнувшийся на нашей почве парламент, хотя в строгом смысле парламентом это собрание депутатов еще не было. Под стать тому, что происходило в зале Кремлевского Дворца съездов, было и настроение в общест-

ве. Люди не работали — сидели у телевизоров, смотрели прямую трансляцию со съездовских заседаний. На улицах можно было увидеть людей с включенными радиоприемниками — современных портативных было еще мало, держали на плече громоздкие «Спидолы», я сам ходил с таким.

А теперь по контрасту вспомним последний, Пятый съезд два года спустя. Депутаты — не в полном сборе. Когда съезд открылся, места в президиуме заняли, помимо двух статистов — председателей Совета Союза и Совета Национальностей, хозяева положения — президенты союзных республик. Михаил Сергеевич Горбачев, к сожалению, не был вполне свободен в своих действиях. Эти руководители исполнительной власти, сами себя назначившие дирижерами представительного органа, продиктовали ему свои условия, которые не стали предметом содержательного обсуждения ни в этом зале, ни в обществе. Все время, отведенное для работы этого съезда, — всего лишь четыре дня, — меня не покидало ощущение, что для без малого двух тысяч союзных депутатов проложена узкая, огороженная с обеих сторон дорога в загон и предписано не только направление движения к коллапсу этого собрания, но и его темп. Не приходится удивляться, что в переходной общесоюзной государственной конструкции, просуществовавшей после путча четыре месяца, парламент оказался излишним, а съезд, как послушен он ни был, безжалостно перекроили.

Между 1989 и 1991 гг. Первый и Пятый съезды были лишь заметными, своего рода реперными точками. Политическое развитие вовсе не сводилось к тому, что происходило на съездах, на заседаниях Верховного Совета. Но, быть может, именно на этих съездах наиболее отчетливо высветилось то, что свершилось в эти переломные годы: как возникли, а затем угасли возможности принципиально иного развития. Хочу подчеркнуть: я вовсе не думаю, что все последовавшие события были предрешены крушением съезда. Вслед за невероятным взлетом народной активности и инициативы началось нисхождение вниз общества и государства. Удержаться на достигнутой высоте у общества не хватило сил и понимания про-

исходящего, а у тех, в чьи руки свалилась власть, — желания и мудрости.

Не считаю я и распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Событие это по своему значению и последствиям было неоднозначным, а катастрофы в этом ужасном веке — вспомним хотя бы предощущение Александра Блока в «Возмездии» — были и куда как более трагическими. Но если, как не устают повторять М.С. Горбачев, «Союз можно было сохранить» (хотя бы в усеченно виде: Прибалтика, никогда не забывавшая пакт Молотова–Риббентропа, еще какие-то малые республики ушли бы при любом развитии событий), то передача вопроса о судьбе Союза из ведения представительного органа на усмотрение узкой группы республиканских иерархов, отвоёвывавших у союзного центра на переговорах в Ново-Огареве одну позицию за другой, такой вариант заведомо исключала. Вопрос был предрешен не в Беловежской пуще в декабре, а в Москве в сентябре 1991 г.

Сокрушительный удар был нанесен и парламентаризму, только-только реанимированному в нашей стране после перерыва в три четверти века. Стенания по поводу «расстрела парламента» России Ельциным в октябре 1993 г. раздаются до сих пор. Но «защитники Белого дома», одни одобрительно, другие равнодушно восприняли аналогичную операцию, учиненную — пусть не столь брутальным способом — над Союзным съездом. И, вероятно, мало кому из них, наблюдавших и санкционировавших деструкцию союзного протопарламента, вспомнились слова Брехта, как оказалось, пророчившие и их собственную судьбу: «Шагают бараны в ряд. Гремят барабаны! Шкуру для них дают сами бараны». Еще раз подчеркну: в 1989–1991 гг. существовал шанс на иной разворот событий. Только шанс! И не слишком большой — в общем на той исторической развилке реализовался вариант, по-видимому, наиболее вероятный. Однако если в основе нашей концепции — парадигма не жесткой детерминированности, а альтернативности исторического процесса, исследование неосуществившейся альтернативы имеет право на существование.

Вопрос этот для историка принципиальный. Один из моих друзей, здесь присутствующий, как-то сказал: ни к чему увле-

каться размышлениями по поводу нереализовавшихся вариантов. Согласиться с этим не могу. Размышления такие важны не только для верного понимания прошлого, но и для ориентации на будущее. Конечно, история в точности никогда не повторяется. Но проблемы, которые стояли перед нами в годы перестройки и которые не были решены или решены не так, как это, на наш взгляд, соответствовало интересам страны и народа, никуда не ушли. Этот опыт, пусть отрицательный, отбрасывать нерасчетливо.

Менее всего мне хотелось бы сейчас заниматься апологией не оправдавшего надежды Съезда народных депутатов СССР. Никаких иллюзий по отношению к данному собранию у меня нет. Двухэтажная конструкция, придуманная конституционалистами из партийного аппарата, была заведомо неработоспособна. Большинство депутатов не были подготовлены для парламентской работы. Когда Гавриил Попов предложил в очень осторожной форме вещь для парламента элементарную — переструктурировать съезд, выделив в нем одну составляющую не на территориальной, как всегда прежде, а на межрегиональной (подразумевалось: политической) основе, это вызвало шок: товарищи, подумайте, на что вы замахнулись — хотите создать фракцию! Я уж не говорю о позорной обструкции, устроенной академику А.Д.Сахарову за его разоблачение афганской авантюры. Моей и моих друзей эмоциональной реакцией на это позорище было: депутаты, вскочившие с мест, приветствуя антисахаровский демарш, заслужили изгнания из политики. Но эмоциям поддаваться не надо.

Съезд был более или менее адекватной проекцией советского общества, каким оно было на заключительном этапе общего кризиса советской системы. Съезд, избранный на сравнительно свободных выборах, не мог быть другим, потому что таким был тогда советский народ. Склонения, настроения, поведение депутатов были изменчивы и управляемы. Но из этого вытекает только одно. Прямой переход к парламентаризму на базе данного съезда (т.е. при такой его конструкции и при таком персональном составе) был невозможен. Однако соотношение сил в политически активной части общества было не таким, как на съезде. И это давало шанс на серьезное (хотя,

конечно, не бесконфликтное) продвижение вперед, при котором данный съезд мог исполнить полезную роль.

Три политические составляющие — более или менее аморфные, с текучим составом, размытые на краях — сосуществовали на съезде. Первая — демократы, уже на Первом Съезде создавшие собственное подразделение — МДГ. Когорта «прорабов перестройки» со страниц освобождавшейся от цензуры печати, с митинговых трибун шагнула в номинально высший орган государственной власти. МДГ на подъеме объединяла 15–20% депутатов. В некоторых острых голосованиях по политическим вопросам, раскалывавшим съезд, ее предложения получали до 1/3 голосов. Для начала этого было немало. Но влияние МДГ определялось не только ее численностью. За демократическими депутатами стояло большинство избирателей столиц, всегда и везде играющих главную роль на исторических переломах, — Москвы и Ленинграда, других политических и культурных центров страны, Академия наук, творческие союзы, самые тиражные газеты и журналы, включая «Известия», главную государственную газету. В МДГ был сосредоточен основной интеллектуальный и креативный потенциал съезда. С его трибуны Сахаров, Попов, Шмелев, Емельянов, Афанасьев и другие лидеры демократов выступали с программой политических преобразований. В общих чертах были обрисованы меры, которые необходимо предпринять, чтобы предотвратить надвигавшийся экономический коллапс. К чести председателя, произвольно отбировавшего выступающих, он предоставил слово всем выдающимся ораторам МДГ.

Я не раз говорил Юрию Николаевичу Афанасьеву, что его броское, вошедшее в политический лексикон того времени обозначение той части депутатского корпуса, которая противостояла демократам, как «агрессивно-послушного большинства» не совсем точно отражало расстановку сил на съезде, ибо принимало во внимание только то, что объединяло «агрессивное» меньшинство и «послушное» большинство, но не учитывало немаловажные различия между ними.

Агрессивное меньшинство — это представительство той части партийно-государственной бюрократии, которая переходила — чем дальше, тем более явно — в оппозицию даль-

нейшим преобразованиям и самому курсу Горбачева. Вслед за демократами они создали свою политическую фракцию — «Союз», обозначив таким образом свое кредо — сохранение СССР любыми средствами. А следовательно, и той централизаторской, не останавливающейся перед силовыми, репрессивными действиями системы, в рамках которой они надеялись сохранить советское государство. По моей оценке, они насчитывали на первых съездах 20–30% депутатов. Свои кадры «союзовцы» рекрутировали не столько из «партийной сотни» депутатов от КПСС, сбалансированный список которой был составлен Горбачевым, сколько из «партийной тысячи» — аппаратчиков, избранных в провинции, в безальтернативных округах. А также среди военных, «красных директоров» и колхозно-совхозного лобби, избранных национального меньшинства в республиках Прибалтики и др.

На съезде они выражали взгляды и предпочтения консервативной части избирателей. У них не было ни сколько-нибудь внятной реалистической программы, ни популярного лидера, но было более чем достаточно злости и агрессии. В отличие от демократов они — во всяком случае, вначале — не вели собственной игры, если не могли рассчитывать на поддержку официальных руководителей съезда. Потенциально это была заметная сила, но на СНД их голос звучал значительно слабее, чем на партийном съезде и пленумах ЦК КПСС. Со временем их поведение становилось все более наглым. Георгий Шахназаров не зря уподоблял их стае «хищников, готовых наброситься на своего дрессировщика и растерзать его, но сдерживаемых увещеваниями и звонкими ударами хлыста». Шумные спектакли, которые они устраивали, привлекали внимание, но действительно опасная «гробовая змея» таилась не здесь.

Наконец, послушное большинство, та часть депутатского корпуса, которую со времен Великой французской революции принято называть «болотом». Оно в высокой степени управляемо. В отличие от СНД России, где «болото» составляло меньшинство и где борьбу за него вели фланги — изначально организовавшиеся во Фракции «ДемРоссия» и «Коммунисты России», на Союзном съезде поведение этой колеблющейся, студенистой массы определяла дирижерская палочка предсе-

дателя. Оно бы, конечно, повиновалось и другому дирижеру, если бы палочка перешла в иные руки, скажем, ГКЧП. Но в послушании большинства реформатору заключена была возможность известного продвижения вперед, пока он оставался главной, если не решающей силой на съезде.

И не только на съезде. Здесь я подхожу к главному. Наш протопарламент, было сказано, — зеркальное отражение общества в целом, но не политизированной его части, где действовали тоже три несколько иные силы: демократы, опиравшиеся на митинговую активность улицы и поддержку наиболее популярных СМИ; консерваторы, в рядах которых стал вызревать план государственного переворота; реформатор, пытавшийся объединить тех и других на базе неустойчивых компромиссов. И потому то и дело менявший галс — в чем, на мой взгляд, и заключалась его главная ошибка. Между тем весь дальнейший ход событий в решающей, по-моему, мере зависел от того, где пройдет главная линия размежевания — левее или правее Горбачева. Отсутствие же четкого выбора с его стороны дезориентировало и демократов, и консерваторов-государственников.

Горбачев поступил предусмотрительно, внося существенные изменения в организацию государственной власти в СССР. Во-первых, введя пост президента. Теперь его нельзя было сместить голосованием простого большинства на съезде. Я, в отличие от многих аналитиков, не придаю серьезного значения тому, что его избрание состоялось на съезде. Конечно, легитимность приобретенного им статуса была ниже, чем если бы она проистекала из всенародного голосования. Но правовые соображения играли не столь уж большую роль в развернувшейся острой политической борьбе. Само по себе всенародное избрание мало что могло бы изменить в известном нам последующем развороте событий. Во-вторых, перенеся центр тяжести своих властных полномочий и из партийных, и из парламентских структур в самостоятельный институт исполнительной власти — президентство. То же самое сделает чуть позже Ельцин с гораздо большим эффектом, потому что под свой выбор он сумеет подвести соответствующую комбинацию парламентских и непарламентских сил.

На Союзном съезде не могли вырабатываться основные политические решения. В лучшем случае он мог лишь их одобрять или отвергать. Главное, что мог в идеале сделать этот съезд для перехода к демократии, к парламентаризму, — ввести в жизнь страны публичную политику, никогда в ней не бывавшую. Он мог стать — и в известной мере становился — форумом для представительства разных политических и социальных интересов, где открыто и нестесненно сопоставляются и выносятся на обозрение общества разные позиции, подходы, мнения. Становление парламентаризма — это и постепенное обретение представительным органом своей роли в системе разделения властей, и — что не менее важно — политическое взросление, просвещение общества. Все это начало пробиваться в годы перестройки и постперестройки и было фатально утрачено впоследствии. Съезд, избранный в 1989 г., не мог взять на себя, как предлагали межрегионалы, всю полноту государственной власти. Если перестройка — демократическая, антибюрократическая революция в стране, которую десятки лет отучали от гражданской инициативы, то выход следовало искать не в механическом сложении разнородных сил, бушевавших на съезде, не в конструировании некоей равнодействующей, а в создании коалиции демократов и реформаторов, продвигающей демократическое преобразование экономики и общества.

Михаил Сергеевич сказал здесь, что главной своей ошибкой он считает то, что своевременно не ушел с поста Генерального секретаря, не расколол партию. Главное же, на мой взгляд, заключается в том, что он недооценил неизбежность прямой схватки с реакционной бюрократией и переоценил возможность самостоятельно устоять на стремнине бурного потока: не волнуйся, я все контролирую, — говорил он Александру Яковлеву незадолго до путча. Не готов он был, как сказала Татьяна Ворожейкина, и воспринять демократов как самостоятельную силу, как союзника. Это надо было делать до выборов в республиканские органы власти весной 1990 г., до Первого съезда народных депутатов РСФСР, когда актив демократического движения переориентировался на Ельцина. Попытки лавирования между непримиримыми противниками («страна правее — должны праветь и мы») не дали и не могли

дать ничего, кроме потери времени. А это само уже было исключительно опасно, потому что когда проводятся глубокие преобразования, будь то революционные или реформистские, время начинает работать против тех, кто их осуществляет, и реализовать политическую консолидацию, включая «правых» и «левых», невозможно.

Немало сил положил Горбачев на реформирование КПСС, пытаясь привить ей «почти социал-демократическую» программу. В относительно спокойной ситуации раскол по программным положениям помог бы отсечь от власти гангренозные участки партийно-государственной системы. Но в обострявшейся со дня на день обстановке теоретические, программные вопросы мало кого волновали. И вообще баталиям в КПСС не следовало придавать излишнее значение. Живые силы партию покидали, отток нарастал. А собственно партийный аппарат, деморализованный поражениями на выборах, лишившийся подпорки в лице репрессивных органов, годами отучаемый от какой бы то ни было собственной инициативы, уже не мог оказывать серьезное влияние на ход событий. Понятно, он саботировал реформаторскую активность Генерального секретаря. Но и тогда, когда ГКЧП, казалось, дал ему шанс восстановить свое место в системе управления государством, — «толпа безликих малоизвестных бюрократов», как назвал Отто Лацис лиц, выдвинутых на руководящие партийные посты уже в годы перестройки, оказалась неспособной даже толком поддержать переворот. КПСС и КП РСФСР как организованная сила практически прекратили существование еще до того, как были распущены указом Ельцина.

Рычаги реальной власти были передвинуты в правительство, в Президентский совет, в администрацию президента. В сложившейся обстановке это был верный шаг. Все зависело теперь от того, какие импульсы будут поступать из невралгического центра власти и кто займет в нем ключевые позиции. Но здесь действия Горбачева, реформатора и инициатора перестройки, становились все более трудно объяснимыми. Он не захотел или не смог дать адекватный ответ на «разведку боем», которую «силовики» стали проводить в Грузии, в Нагорном Карабахе и Звартноце, не оценил январские события 1991

г. в Вильнюсе и Риге как репетицию госпереворота. Переформатировав свое окружение, он заполнил ключевые государственные посты лицами, которые вскоре, вступив в сговор, стали готовить переворот. В июне 1991 г. не внял последнему предупреждению, когда ведущие министры в Верховном Совете открыто потребовали передела власти в свою пользу, а американский посол Мэтлок, получив от Гавриила Попова сверхсекретную информацию о заговоре, сообщил об этом президенту. И отверг разумные кадровые инициативы, предложения о совместных действиях, которые исходили от межрегионалов, хотя, как засвидетельствовал Г. Шахназаров, такие предложения делались, и переговоры проводились.

Тогда-то, на мой взгляд, и был упущен последний шанс — создание блока реформаторов и демократов, который надо было не только открыто заявить, но и укрепить удалением с ключевых постов в исполнительной власти ГКЧПистов и назначением на них людей из демократического актива, резким размежеванием с теми, кто тормозил реформы, и публичным отмежеванием от провокаторов. Возможно, колебания Горбачева, нежелание сменить негодную команду, сформированную им к началу 1991 г., объяснялось тем, что с реваншистами его объединяло, а с демократами разъединяло упрямое стремление сохранить Союзное государство, предотвратить выход из него даже тех республик, где он стал неизбежным. Этот порог политику, сформировавшемуся в Советской стране, особенно трудно было преодолеть.

Конечно, возлагать всю вину за несостоявшийся союз на Горбачева несправедливо. Не меньшая ответственность за это лежит на самих демократах, в конце 1989 г. призвавших к всеобщей политической забастовке (организовать которую они так и не смогли), а в следующем году поддержавших атаку Ельцина на Горбачева. Стремясь немедленно добиться перелома ситуации, покончить с проволочками в продвижении реформ, российские демократы пошли на союз с той частью номенклатуры, которая до перестройки обреталась во вторых-третьих ее рядах.

Лозунг республиканского суверенитета повсеместно был поставлен в порядок дня. В республиках Прибалтики он консо-

лидировал общество в борьбе против переживших Гитлера советско-германских секретных протоколов о разделе сфер влияния в Восточной Европе, за пересмотр пресловутых «итогов Второй мировой войны». Российские демократы подхватили его как способ освобождения от власти союзных партийно-государственных структур, тормозивших перестройку, обступивших Горбачева и, в конечном счете, выдвинувших ГКЧП. А номенклатура в РСФСР и большинстве других республик использовала его как мощный таран для собственного прорыва к власти.

Ельцин, харизма которого обеспечивала широкую общественную поддержку, некоторое время воплощал союз части российской бюрократии и демократов, казался (и до известной степени, и до известного времени — был!) лидером демократической революции против реваншистов и реакционеров. Он сыграл выдающуюся роль в сокрушении путча, грозившего политическим разворотом уже в начале 90-х годов. Но вскоре его аппаратное происхождение и обретенные там навыки, личностные черты, его доминирующее положение в системе новой власти, общее соотношение сил в стране предопределили инволюцию государственного развития, которая не оставила места ни парламентаризму, ни беспрепятственному развитию институтов гражданского общества. В реставрированной государственной системе российским демократам было отведено незавидное место. Они заслужили это безоглядной поддержкой Ельцина против Горбачева, а затем — «хождением во власть» на довольно унижительных и, как в конечном счете оказалось, саморазрушительных и дискредитирующих условиях.

В этом я согласен с Ворожейкиной: демократы, избрав союз с Ельциным и пошедшей с ним номенклатурой (в известной мере сформированной им, в том числе из части самих демократов), сделали опрометчивый выбор. Ибо подлинное обновление в конфликте двух лидеров символизировал, при всех колебаниях и ошибках, Горбачев. С исторической дистанции отчетливо видно: именно Горбачев дал обществу (без особых его собственных в том заслуг) свободу, приступив к демонтажу коммунистической системы, а Ельцин (при всех его

заслугах, оспаривать которые нечестно и неблагородно) после всех побед столкнул Россию, особенно выбором наследника, в наезженную историческую колею. Иное дело — что понять все это было непросто в условиях грозно накатывавшихся событий и не имея необходимого исторического опыта.

К сожалению, суть тех событий мы не осознали до сих пор. Трагический парадокс заключался в том, что Горбачев и демократы, объединение усилий которых могло (хотя, повторю, не гарантировало) перевести дальнейшее развитие России в европейскую колею, субъективно того не желая, подталкивали друг друга на ошибочные действия. Горбачев демократов — зигзагами своего курса — на жесткую оппозицию и поиск сомнительных вариантов действий и сомнительного лидера. Демократы Горбачева — нарастающим давлением и ассоциацией с его политическим и личным антагонистом — на чрезмерно осторожный курс, на запаздывание, на попытки найти контрбалансирсы с другой стороны. В августе 1991 г. поражение потерпели оба актора. Но к этому времени те возможности, которые в дни Первого съезда казались осуществимыми, были утрачены. Правда, примерно так — при других обстоятельствах, с другими действующими лицами, но с аналогичным исходом и последствиями — уже бывало в нашей истории. Научится ли когда-нибудь российское общество извлекать уроки из собственного опыта?

Н.Б. Иванова,

заместитель главного редактора журнала «Знамя»

Попробую сформулировать несколько тезисов по поводу того, чем закончил свое выступление Михаил Сергеевич. Он ответил на вопрос о том, кто проиграл. Он сам считает, что он проиграл, а Перестройка выиграла. Но я-то считаю, что проиграли все: Михаил Сергеевич, депутаты, съезд, общество, страна.

При этом свою историческую миссию и Михаил Сергеевич, и съезд, безусловно, выполнили. И роль Горбачева как в организации Перестройки, так и в организации съезда, конечно, огромна. Мы все — свидетели того, что было невозможно

и стало возможным после того, как началось то, что началось в 85-м году.

1989 год — во многом благодаря гласности (прямая трансляция по радио и телевидению) съезда — стал особым, исторически поворотным в жизни страны и государства. Благодаря *гласности* к дискуссиям, идущим на съезде, подключалось мгновенно все общество. От каждого острого, задевавшего выступления — или даже реплики — шли круги расширяющихся обсуждений. Страна стала площадкой для открытых дискуссий, обозначивших болезненные точки истории и современности.

Я наблюдала выступления на съезде по телевидению. Здесь назвали это «грандиозным шоу». Это не было «грандиозным шоу». Это было абсолютно реальным содержанием жизни людей, всех нас, всего нашего общества. Но 9 апреля 1989 года в Тбилиси случилось то, что случилось. И это тоже повлияло на сознание многих — и на судьбу государства.

Мог ли быть сохранен Советский Союз в том или ином виде? Я тогда работала в журнале «Дружба народов» (отработала там с 86-го по 91-й годы). Может быть, нам изнутри было видно, что сохранить Союз нельзя, что это абсолютная утопия, романтика.

И многие выступавшие сегодня мне показались романтиками, историческими романтиками. Но период романтизма закончился. Осталась романтика в ощущениях, в эмоциях, в размышлениях. На самом деле, романтика редко приводит к положительным, реальным позитивным результатам.

Но сказать, что вся эта энергия Перестройки, съезда пропала даром, тоже нельзя. Нет, это было недаром. Но сколько потеряно одновременно!

Я буду говорить не о тех, кто умер реально, а о тех, кто умер или скончался духовно за это время, последние 15 лет. Их, «мертвых душ», гораздо больше...

Если говорить о том, сколько потеряно, и исчислять от количества живых взрослых нормальных людей, то мы остались с 1/250-ой частью от того общества, которое у нас было (если у нас действительно есть сейчас гражданское общество). Откуда я взяла эти цифры? — Это цифры востребованности сло-

ва — художественной литературы, публицистики например. Публикаций, которые читались миллионами людей.

Я просмотрела двенадцатые номера толстых литературных журналов за 89-й год, увидела, что там было напечатано, и какие были тиражи. Я обнаружила там статью Игоря Клямкина, размышления Николая Петровича Шмелева, «Архипелаг ГУЛАГ». И в чудесном сне я бы никогда не подумала, что буду участвовать в обсуждении, посвященном съезду 1989 года рядом с Вадимом Медведевым, который был чуть ли не последним оплотом того, чтобы в стране не напечатали «Архипелаг ГУЛАГ». Может быть, он мне возразит, но я это помню, потому что была напечатана обложка журнала «Новый мир» в 88-м году, которая объявляла «Архипелаг ГУЛАГ», и по требованию Политбюро обложка журнала была уничтожена. Но, тем не менее, в 89-м году все было напечатано.

«Жанром» 1989-го был жанр спора, дискуссии, полемики. Развернутых не столько для понимания друг друга (спорящими, собеседниками), сколько для утверждения собственной точки зрения как единственно верной — и опровержения, если не компрометации, точки зрения другой. Этот вспыхнувший пожар идеологического противостояния не на шутку встревожил партийное (и государственное) начальство. Сегодня мы можем сказать, что правильно встревожил: собственно, именно этот литературный пожар затем разгорелся настоящим огнем в августе 1991-го (вспомните публикацию накануне путча «Слова к народу»), в октябре 1993-го и так далее — вплоть до зюгановско-ампиловского — с одной стороны и гайдаровско-ельцинского — с другой — противостояния. Именно тогда было положено ему начало — впрочем, неизбежное. С таким же успехом, с каким Горбачев мог бы бороться с каким-нибудь из природных, не зависящих от человека, явлений, он усаживал за стол противоборствующие стороны, дабы «бороться за культуру дискуссий».

6 января 1989 г. в ЦК КПСС состоялась очередная встреча с «деятелями науки и искусства» (из ряда традиционных встреч власти с интеллигенцией — встреч, на которые интеллигенция, считающая себя все еще влиятельной, возлагала особые надежды: просвещения и воспитания генсека, а также

изменения генеральной линии в нужном направлении). На ней Горбачев высказался особо по поводу дискуссий: «...мы приветствуем их, мы за дискуссии... За плодотворные дискуссии» и твердил — вслед за известной статьей в «Правде», — что «у нас еще не овладели культурой дискуссии». Б. Олейник (позже — яростный недруг, а тогда — поддержка Горбачева) тему продолжил — покруче и пожестче Горбачева: «Надо с цеховыми распрями кончать». Всегда чрезвычайно чуткий к начальственной точки зрения С. Михалков, вроде бы вторя Горбачеву, на самом деле чуть «пододвинул» его к нуждам «заединщиков» с Комсомольского проспекта: «Перестройка требует консолидации всех сил общества», т.е. на самом деле в несколько завуалированной форме высказался за скорейшее закрытие всех дискуссий. Горбачев шутит: «Может, к нашим литераторам применить принцип одностороннего разоружения?», не подозревая о том, что в данном противостоянии и «дискуссии» отчасти и СССР рухнет (идею «независимой» от СССР России, идею «выйти из СССР» впервые выскажет открыто депутат Валентин Распутин в речи на Съезде народных депутатов).

В стенах ЦК КПСС шло аналогичное, по сути, сражение, но при этом противники, конечно же, клялись «любовью» к системе. В. Коротич: «У народа исподволь вызревает и формируется новое доверие к советской власти». Сказав ритуальную фразу, редактор горбачевского призыва (наряду с редакторами «Знамени» Г. Баклановым и «Нового мира» С. Залыгиным — смена руководства журналами была произведена за два с половиной года до этой встречи), ненавидимый «заединщиками», перешел в нападение и сформулировал истинную причину яростного неприятия гласности: «Целый ряд писателей... личную свою беду гибнущего собственного всевластия стремится представить как трагедию страны и системы».

По сходной модели выстроил свое выступление редактор «Молодой гвардии» Анатолий Иванов. Ритуальная «клятва верности» — «Гласность, демократия, перестройка нужны нам как воздух. Это очевидно» — сопровождалась незамедлительной оговоркой: «Но очевидно и то, что стоит где-то сместить оттенки, переставить акценты, а то, прикрываясь гласностью...» Тут же были названы поименно и обвинены в идеологической

диверсии те, кто «сместил» и «переставил» — пропагандирующие «мелкобуржуазные и буржуазные взгляды» органы печати «Огонек», «Московские новости», рижский «Родник».

Анатолию Иванову, в свою очередь, немедленный отпор дал Евгений Евтушенко, обозначив свою позицию как «достоинство интернационализма», а позицию противников — как «великодержавный национализм», впрочем, оговорившись, что «вместе с тем любые мелкие эгоистические национализмы» одинаково относятся «к низкой общественно-политической культуре».

Литература еще оставалась в общественно-политическом центре эпохи — кандидатами в народные депутаты от Союза писателей были выдвинуты В. Астефьев, В. Быков, Ю. Воронов, О. Гончар, С. Залыгин, Л. Леонов, Ю. Марцинкявичюс, В. Рапутин, В. Санги, О. Чиладзе, И. Чобану, А. Якубов...

Собственно, к словесности, где все решают тексты, поход писателей в депутаты непосредственного отношения не имел, но голос писателя для общества все еще оставался важным. Выборы кандидатов на пленуме СП СССР были обставлены как событие особой важности. И избранные в депутаты литераторы продолжали ощущать себя государственно значимыми фигурами.

Государственно значимая деятельность писателей, впрочем, в скором времени оборвется, как прекратятся и встречи с властью; место писателей вокруг трона займут эстрадники и артисты, но пока до этого еще далеко...

Но ведь романтиками были не только вы, уважаемые депутаты. Романтиками были все мы. Все сознательное общество.

Вопрос А как одна 250-ая часть получилась?

Н.Б. Иванова

По количеству востребованного тиража. Потому что я делю один миллион, два миллиона с половиной экземпляров «Нового мира» на то, что сегодня представляет из себя тираж журнала «Новый мир». Или один миллион журнала «Знамя».

Реплика Сегодня есть Интернет.

Н.Б. Иванова

Нет, в Интернете совсем не такие цифры. Я могу сказать, какие цифры востребованности в Интернете.

Вопрос Вы сопоставляете их?

Н.Б. Иванова

Сопоставляю, так же, как и содержание выступлений депутатов. Конечно, я сопоставляю. На самом деле эта невостребованность говорит не только о том, что сегодня не появятся лидеры общественного мнения, которые поведут за собой общество. Я пессимист, потому что вижу, что общественного мнения как значимой силы нет.

Я верю социологам. Верю опросам. Верю тому, о чем свидетельствуют многие опросы в Центре Левады, который здесь представляет Алексей Левинсон. Мне кажется, что в этой ситуации 20-летие, о котором мы говорим, может быть сравнимо с 20-летием, тоже историческим, — 1917–1937. Это было тоже всего лишь 20 лет. То, к чему пришла революция, пожирающая своих детей, своих лидеров, было намного страшнее (государственный террор). Но сегодня, даже если этот террор направлен против единиц, то он тоже устрашает общество.

Здесь говорили о том, что сегодня в обществе нет никакого страха. Не могу никак с этим согласиться. Есть страх. Появился. Я вижу, как люди осторожно разговаривают, как они выбирают слова. Собственно, нет цензуры, — а вы посмотрите, как осторожно выбирают слова люди даже в одной, двух, трех газетах, на радио, как в редакциях ищут противовесы, когда рядом с писателем-либералом потом на следующий день обязательно будет выступать «анти» — демократ.

На самом деле, это же авторы слова к народу. Это та сила, которая прервала то, что называется «перестройкой». И на самом деле, если говорить образно, то ситуация возвращается. Она уже возвратилась. И это не реставрация — это реванш. Страна сейчас находится, конечно, в другом историчес-

ком месте. Но в каком? Может быть, это место гораздо более опасное, чем предполагали еще восемь лет тому назад, когда оставалось еще много иллюзий.

Расставание с иллюзиями, как мне кажется, никуда не вышло. Юрий Афанасьев говорил о той сложнейшей ситуации, в которой мы сегодня оказались. Но еще в 89-м году, тогда, когда проходил съезд, было видно, что раскол существует в обществе. Раскол не исчез — только расклад цифр меняется: 42 и 48, 52 и 58 процентов — это расколы ответов на общественно и политически значимые вопросы.

Не знаю, что можно со всем этим делать. И можно ли делать свое небольшое дело, открывать новые общественные организации? Что они могут сделать снизу, когда сверху существует пресс? Когда нет никакой возможности восстановить избирательную систему, потому что существует парламент, который не для того, чтобы думать, и выборы — не для того, чтобы выбирать.

Поэтому я, может быть, мечтала бы оказаться сейчас на минуту в том времени, чтобы прощупать, были ли альтернативные возможности развития нашей истории. Сегодня, на этом Круглом столе, все мы пытаемся это сделать.

Жизнь всегда поворачивает как-то неожиданно. Ожидать параллелей я не могу и не могу думать, что появится «новый Горбачев». Нет, это уже наше прошлое.

Поэтому я думаю, что еще два-три поколения будут ждать того, чего советская страна и общество дождались в 86-м году. Между 1956-м и 1986-м — как раз тридцать лет. Тот, кто увидит общество и страну в 2016-ом, скажет, права ли я в своих предсказаниях.

В сравнении с 1989 годом страна утратила литературоцентризм. Можно сказать, что в 1989-м она была маниакально страной слова. Читала, обсуждала, устраивала конференции, в том числе и заочные, — слово очень много значило. (Для тех, кто говорил — и внимал.) И, казалось, слово способно перевернуть — если не мир, то страну. Очистить ее, оздоровить, вернуть к нормальной человеческой жизни, к общечеловеческим ценностям (тогда это выражение звучало сверхреволюционно).

Конечно, вера в силу слова была чрезмерной. Пока одни, прекраснодушные «романтики» говорили, — другие, «реалисты», дело делали, не оповещая об этом «романтиков».

Именно поэтому «романтики» чувствуют себя сегодня обманутыми — и правильно чувствуют, они и есть обманутые.

В этом смысле для меня смерть Алеся Адамовича была не только реальной, но и символической. Он скончался от сердечного приступа на суде за имущество, которое делил Союз писателей.

В конце концов, к финишу 90-х литература и читатель разъедутся по разным квартирам. Собственно говоря, информацию о себе самое общество начнет получать из средств массовой информации, что, конечно же, хорошо и правильно; но и за красотой или даже развлечениями оно будет все меньше обращаться к книге, все больше — к пестрящему экрану ТВ. Тогда в конце 80-х этот процесс отчуждения литературы от читателя еще только намечался, не нарушая общего праздника реабилитации ранее запретного и наслаждения. Но литераторы — народ чуткий — уже заметили это отчуждение и загрустили.

Но Бог с ним, с утраченным литературоцентризмом! Утрачен — в сравнении с 1989-м — гражданский темперамент, если не само гражданское общество, которое к 1989 году очень быстро росло и структурировалось.

А.Г. Левинсон,
социолог

О том, что происходило в дни, когда работал Съезд народных депутатов, об этом могу рассказать по данным, которые собрал тогда Всесоюзный центр изучения общественного мнения. Хочу только сказать, что сама служба, сам социальный институт изучения общественного мнения в нашей стране появился (что вполне закономерно) практически одновременно с институтом электоральной демократии. И роль в появлении и того, и другого Михаила Сергеевича чрезвычайно велика. Он просто, что называется, стоял у истоков.

Хочу вам напомнить: Горбачев в свое время имел примерно тот же уровень поддержки, какой имеют наши нынешние

лидеры, (но только имеют как хронический рейтинг). У Горбачева тоже были когда-то свои 80 процентов.

Но к моменту, когда заработал съезд, пик популярности Горбачева был пройден. У Горбачева с российским обществом назрели достаточно серьезные расхождения.

Но не только между обществом и Горбачевым начались расхождения, они начались им между обществом, с одной стороны, и Съездом народных депутатов не как институции, а как собранием лиц — с другой.

Это стало видно из результатов тех экспресс-опросов, которые проводил ВЦИОМ в дни съезда. Мне довелось быть прямым участником этих событий. В частности, я был свидетелем того, как наш директор Татьяна Ивановна Заславская, которая была народным депутатом, предъявляла Михаилу Горбачеву результаты нашего опроса. Из них следовало, что пресловутое агрессивно-послушное большинство на съезде поддерживается меньшинством в обществе. А меньшинство депутатов, на тот момент вставшее в оппозицию Горбачеву, напротив, пользуется поддержкой большинства в обществе.

Что делает большую честь Горбачеву? — То, что он не только создал ВЦИОМ, судя по всему, для поддержки своих политических задач. Но когда ВЦИОМ не стал выполнять эту роль, а стал выполнять роль просто объективного зеркала, которое показывает, что происходит, Горбачев всего лишь отвернулся от него.

И все. Он охладил отношения с Заславской и перестал пользоваться нашими данными и оглашать их с трибуны и т.д.. Больше не произошло ничего. А ведь мы в это время находились на государственном содержании. Достаточно было полслова главы государства, чтобы мы государственного бюджетного финансирования лишились. Но этого не было сделано никогда!

Это, повторяю, делает честь Горбачеву. При этом, я должен с сожалением сказать, что опросы нашего центра или любого другого центра показывают, что популярность Михаила Горбачева в нынешнем обществе ничтожна. Точнее сказать, есть ощутимая отрицательная популярность у него, как и у Ельцина, до смерти Ельцина.

Как гражданин я считаю, что это величайшая несправедливость со стороны сограждан. Думаю, что она будет исправлена, но, к сожалению, она начнет исправляться только тогда, когда его не станет. При этом обращаю ваше внимание на то, что на так называемом Западе, в Европе — это один из самых уважаемых исторических деятелей.

Действительно, то, что сделано при участии Горбачева в глобальном масштабе, — это неимоверно много. В этом смысле там ему удалось столько, сколько и десятой доли не удалось здесь в стране, потому что здесь произошел в значительной степени откат. Все об этом говорят. А там точка невозврата была пройдена. И тем, что мир сейчас имеет (прежде всего, Евросоюз), он, в общем, обязан Михаилу Горбачеву. Или, по крайней мере, это не без его участия произошло.

И разница между тем, как относится европейское сообщество и наше к одной и той же политической фигуре, и показывает, какие разные векторы развития сейчас там и здесь.

Я считаю своим долгом сообщить, что думает, понимает и знает современное российское общество по поводу этого события, юбилей которого мы отмечаем: позитивная оценка, историческая оценка того, чем был этот съезд, и негативная имеют равный вес в нашем обществе.

И та и другая имеют вес не очень большой. Большой вес имеет ответ — «затрудняюсь ответить». То есть, в обществе нет мнения по поводу этого события. Причем, если посмотреть, у кого нет этого мнения, — это просто приводит в отчаяние. Потому что среди людей, которым сейчас будет исполняться 25 лет, и моложе, 60 процентов не знают, что сказать про этот съезд. Шестьдесят процентов!

Все другие суждения — одобрительные или, наоборот, неодобрительные — это по 10 процентов. Это социологическое ничто. Среди людей с высшим образованием ровно паритет одобрительных и неодобрительных оценок. При этом 20 процентов говорят, что Съезд оказал значительное влияние на развитие событий, и 21 процент говорит, что не столь значительное, как казалось тогда. И по 12 процентов — «решающее, переломное событие» или, напротив, вообще «не оказал зна-

чительного влияния». И даже среди людей с высшим образованием около трети не знают, что сказать.

Вот так работает механизм исторического забвения — не историческая память, а «забывательный» механизм. По нашим данным, собранным за последующие годы, видно, как исчезли следы этого съезда. Последнее, что оставалось в народной памяти, еще до начала 90-х, — это выступление Сахарова.

Почему? Потому что оно было связано с войной в Афганистане. Сахаров — это пример человека, второй, кроме Горбачева, который как бы личным участием запечатлел нечто в народном сознании. Сахаров первым назвал войну в Афганистане несправедливой. И хотя выступление Сахарова не вспоминают, сама эта оценка сохраняется до сих пор.

Никакой ура-патриотизм, который сейчас одерживает одну победу за другой, не может пока стереть этого отношения к войне в Афганистане. Как производное от него долгое время действовала негативная оценка Первой чеченской войны. Продолжала бодрствовать совесть нации, пробужденная усилиями Сахарова.

Я позволю себе сказать еще два слова о том, о чем здесь говорили многие, в том числе Татьяна Евгеньевна Ворожейкина. Я добавлю то, что говорят мои коллеги и в нашем центре. Почему мы совершили такой удивительный дрейф? По сути дела, его не совершила ни одна страна с похожей судьбой, с похожим дебютом, придя за эти 20 лет туда, куда мы пришли.

По всей видимости, к тем причинам, которые уже назывались выступавшими, надо добавить еще вот что. На что оперлся Горбачев, совершая крутой поворот?

Событиями и процессами 85–91-го годов был подготовлен некий класс, так сказать, кадровый резерв потенциальных политических деятелей, а также запас идей для них. Этим политическим ресурсом воспользовался именно Горбачев или те, кто шел с Горбачевым. Ресурс был подготовлен предыдущим периодом, начиная с диссидентского движения и до эпохи гласности.

Этот период имел свои институциональные инструменты в лице литературы, в лице толстых журналов, прежде всего. И подготовленный таким образом ресурс был предоставлен ин-

теллигенцией прежде всего в распоряжение всего общества. И им воспользовались сполна.

Когда возникла необходимость делать следующие шаги, оказалось, что в нашей стране просто ни у кого нет идей, что делать дальше.

Я хочу сказать, что этот кризис, кризис позитивных идей, привел к тому, что пошли в употребление исторически отработанные идеи государственничества, шовинизма и так далее.

И они оказались, на горе нам, институционально закреплены к сегодняшнему дню. А институционального закрепления идей либерального характера мы так и не увидели.

Д.С. Секиринский,
историк

Хотел бы вернуться к той очень важной проблеме, которую затронул Юрий Николаевич Афанасьев, ставя вопрос о том, не преувеличиваем ли мы значение Первого съезда?

Национальная история, как правило, очень избирательна. В качестве одного из наиболее ярких примеров этой избирательности можно привести отражение в историографии личности Александра Невского, фигуры малоинтересной для западных исследователей (да и современников тоже, о чем свидетельствует незначительное количество упоминаний о князе Александре в европейских хрониках), но в буквальном смысле символической и даже сакральной для национальной истории России. (Именно в таком качестве Александр Невский вызывает прежде всего интерес и на Западе, о чем свидетельствует появление в 2004 г. монографии немецкого историка Ф.Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти: святой правитель, национальный герой (1263–2000). В русском переводе книга вышла в 2007 г.)

Рассмотрение некоторых явлений отечественной истории через увеличительное стекло идеологических или политических пристрастий зачастую приводит к мифологизации исторической памяти, искажению исторической действительности. Чтобы избежать этого, полезно взглянуть на событие глазами иностранных современников: действительно ли рассма-

триваемое событие явилось столь значимым не только для нас, но и наших соседей?

Источники дают утвердительный ответ на этот вопрос. В силу известной близости Первого съезда народных депутатов СССР, как новообразования советской политической культуры, традициям западного парламентаризма, освещение этого события в американской печати и восприятие его общественным мнением США были особенно заинтересованными, а динамика процессов освещения и восприятия съезда в США отразила широкий спектр оценок, соотношение пессимизма и оптимизма в отношении всего реформаторского курса М.С. Горбачева и потенциала гражданского общества в СССР.

Первый съезд народных депутатов СССР, включая и период *концептуально-политической* (XIX Всесоюзная партконференция, июнь 1988 г.), законодательной (конституционная реформа 1 декабря 1988 г.) и организационной подготовки к введению этого института высшей государственной власти, образует сложный и противоречивый **феномен** социально-политической жизни, в котором старые советские традиции декоративной представительной демократии были заметно потеснены новыми перестроечными явлениями, зачатками парламентаризма.

Съезд народных депутатов СССР, начиная со времени подготовки конституционной реформы, стал своеобразным зеркалом динамики развития всего комплекса трансформационных процессов, обозначаемых именем Перестройки. На съезде не только обсуждалась самая жгучая проблематика в области социальной, экономической, межнациональной политики, международных отношений и т.д., но и происходило становление новой парламентской культуры, новых лидеров и т.п.

Выборы депутатов поначалу не воспринимались американскими наблюдателями как нечто новое, идущее наперекор традиционной «советской демократии». Куриальная система выборов дала основание некоторым обозревателям сравнивать съезд с «органом сословного представительства средневекового образца». Дэвид Ремник, корреспондент московского бюро «Вашингтон пост», наблюдавший за процедурой выдвижения и утверждения кандидатов, пришел к выводу, что

«общество еще не созрело» и «никто не был готов к [политическому] сопротивлению».

Вопрос, которым задавалось большинство наблюдателей из США, заключался в том, станет ли сСъезд представительством действительно «народных депутатов», или же он окажется очередной ассамблеей КПСС?

Однако результаты выборов, несмотря на то, что больше 80% избранных депутатов были членами КПСС, вызвали настоящий восторг в американской прессе. Причиной тому стали громкие проигрыши крупных партийных боссов. Ежедневник «Ю.С. Ньюс энд уорлд рипорт», оценивая результаты весенних выборов, писал: «Михаил Горбачев призвал своих соотечественников строить социализм нового качества на прошедших выборах. Избиратели так и сделали, однако, похоже, что в новом здании социализма Коммунистической партии они отвели очень маленькую комнатку». В общем и целом, результаты выборов обнадеживали тех, кто рассчитывал на установление демократии в Советском Союзе. По выражению российского историка В.В. Согрина, выборы на Съезд народных депутатов «стали началом мирной революции».

Первый Съезд стал своеобразным испытанием для М.С. Горбачева перед глазами американской общественности. Стремление Горбачева к демократизации советского общества вызывало у американских наблюдателей вопрос: «Стоит ли доверять Горбачеву? Ведь он вырос в этой [тоталитарной — Д.С.] среде, как он может понимать, что такое свобода?». Ежедневник «Newsweek» вообще полагал, что «демократия для Горбачева никогда не была самоцелью». Элвин А. Снайдер, бывший помощник президента Никсона, сотрудник ЮСИА (Информационное агентство Соединенных Штатов) писал, что политика гласности была призвана «воскресить марксизм-ленинизм с тем, чтобы придать ему легитимность на Западе и внести разлад в альянс демократических стран».

От того, какие позиции занял бы М.С. Горбачев на съезде, зависел и рейтинг его популярности в США. Американская печать обращала внимание на трудное положение М.С. Горбачева. «Лос-Анджелес Таймс» справедливо замечала, что Генеральный секретарь был подвержен критике как справа, так и

слева, и приходила к выводу, что он столкнется с противодействием обеих этих «сторон» на съезде. Сам съезд должен был стать ареной схватки между «консерваторами» и «либералами».

Американская пресса оценивала все происходящее на съезде сквозь призму противостояния «либеральных» и «консервативных» сил. В зависимости от того, в чью сторону склонялась чаша весов, менялся и характер оценок. При этом следует учитывать, что весы эти изначально имели дефект: у консерваторов был явный перевес. Поэтому в качестве успеха либералов рассматривалось скорее приближение их к относительному выравниванию политических весов.

Исходя из этого положения, можно наметить несколько реперных точек, в которых оценки американских наблюдателей претерпевали заметные изменения. Первой из них было открытие и первый день работы съезда. Именно в этот день прозвучали совершенно неожиданные и дерзкие заявления со стороны либерально настроенных депутатов. Статьи о первом дне работы съезда в американской прессе полны эпитетов «дерзкий», «невиданный», «смелый», «ошеломляющий» и т.п. «Лос-Анджелес Таймс» находила аналогии для сравнения «жизнедеятельности» съезда с миром фауны: «Если все законодательные органы власти, предшествовавшие съезду, были послушными домашними песиками, то новый парламент — настоящий Пит-Буль».

Однако когда стали известны результаты выборов в Верховный Совет, оказалось, что большинство либералов, таких как Ю.Н. Афанасьев, С.Б. Станкевич, Г.Х. Попов, были вычеркнуты из списков. Именно с этими лицами американские наблюдатели связывали дальнейшие шаги Советского Союза на пути к демократии. Кроме того, в Верховный Совет не попал Борис Ельцин — человек, которому оказали доверие более пяти миллионов избирателей. Этот эпизод стал второй реперной точкой. Характер оценок съезда в американской прессе изменился, стали чувствоваться нотки разочарования.

Третьей реперной точкой стал сюжет, связанный с самовыводом А. Казанника. Благодаря ему Б. Ельцин попал в ВС, а

съезд сумел реабилитировать себя в глазах американской прессы.

Четвертой реперной точкой стал эпизод, связанный с реакцией депутатов на выступление А.Д. Сахарова. После этого оценки съезда в американской прессе вновь качественно изменились. Наблюдатели из США не могли простить М.С. Горбачеву его пассивности, бездеятельности в этом эпизоде. Дж. Мэтлок, посол США, считал, что это был тот случай, «когда съезд чуть не дискредитировал себя». Кроме того, они были поражены «дикостью» основной массы депутатов. Именно эпизод, выявивший отношение большинства депутатов к А.Д. Сахарову, во многом predetermined общие оценки съезда американскими наблюдателями.

В последние дни работы съезда ряд обозревателей стал сомневаться в способности М.С. Горбачева сохранить целостность Союза. По мнению некоторых из них, распад СССР — неминуемый факт, а «Лос-Анджелес Таймс» даже полагала, что это может произойти в течение нескольких месяцев.

Первый съезд стал переломным для образа Михаила Сергеевича в США. Несмотря на то, что американская пресса продолжала видеть в Горбачеве единственно возможного лидера СССР, его яркий реформаторский образ, распространенный прежде в американской прессе, заметно потускнел.

Оценки, данные прессой США итогам двухнедельной сессии Первого съезда народных депутатов, были неоднозначны. С одной стороны, в них чувствуется разочарование: после столь многообещающего и непредсказуемого начала американские наблюдатели, по-видимому, ожидали не менее яркого и обнадеживающего завершения съезда. Однако, как заметил Билл Келлер, обозреватель «Нью-Йорк Таймс», «смесь неожиданных заявлений и предсказуемых дел» стала главной отличительной чертой съезда. С ним соглашался еженедельник «Ю.С. Ньюс энд уорлд рипорт»: «Что бы ни говорили про шокирующую демократию [на Съезде], результаты мало отличаются от советской политической традиции». По мнению «Лос-Анджелес Таймс», съезд не решил «глобальных» проблем, «переложив их на Верховный Совет». К числу «глобальных» проблем, автор, статьи относил установление свободных рыночных от-

ношений и введение многопартийной системы. «Ю.С. Нью энд уорлд рипорт» резюмировала итоги съезда следующим образом: «Несмотря на то, что съезд поднял много пыли и грязи, ему еще очень далеко до идей демократии в западном понимании этого слова». «Нью-Йорк Таймс» с сожалением замечала, что все ключевые государственные должности заняли старые лица.

В то же время «Лос-Анджелес Таймс» писала, что это только «начало развития парламентаризма», которое «современные нации переживали десятки, если не сотни лет». По ее мнению, съезд стал «эпохальным событием» на трудном «пути к демократии». Люди впервые получили возможность «говорить открыто, зная, что они будут не только услышаны», но и смогут «произвести определенный эффект» на публику. Ведь критике была подвергнута сама природа советской политической системы, что вызвало «шок у консервативного крыла» Коммунистической партии. Обозреватель «Ньюсуик» Фред Коулмэн, сравнивая съезд с предыдущими представительными и законодательными органами Советского Союза, приходил к выводу, что он «стал настоящей парламентской революцией». Такого же мнения придерживался Дэвид Ремник из «Вашингтон пост», охарактеризовавший работу Первого съезда как «говорливую революцию» (talking revolution). Главное достижение работы съезда, по единодушному мнению большинства американских газет и журналов, — это «политическое пробуждение» советских граждан.

Несколько слов об уроках съезда. В выступлении Т.Е. Ворожейкиной прозвучал тезис об ошибочном сравнении Д.А. Медведева с М.С. Горбачевым. Я полностью согласен с Татьяной Евгеньевной: подобные сравнения не имеют значительных оснований.

Тем не менее между годом 1989-м и годом 2009-м можно найти некоторые аналогии. Выборы 26 марта 1989 г. в крупных городах выявили яркую тенденцию: чем упорней администрация противилась выдвижению того или иного альтернативного кандидата, тем больше сочувствия у избирателей он вызывал, и чем активнее КПСС поддерживала того или иного кандидата, тем с большим треском он выборы проигрывал. А теперь об-

ратите внимание на региональные выборы весны 2009 г.: мы видим с вами похожую картину. Часть кандидатов от «Единой России» предпочитали не афишировать свою принадлежность к правящей партии, старались строить свою предвыборную кампанию вне устоявшейся за последние годы формулы успеха «Путин-Партия-Местный кандидат». Более того, некоторые кандидаты накануне выборов заявили о своем выходе из партии. Конечно, подобные аналогии носят скорее частный, чем системный характер.

Закончить мне бы хотелось словами Майкла Паркса, корреспондента «Лос-Анджелес Таймс», который подвел весьма оптимистичный итог работы Первого съезда народных депутатов СССР: «Все в руках советских граждан. Им решать, кем им быть».

С.А. Ковалев,
правозащитник

Несколько реплик, которые я не стану доказывать. Первая — это прискорбное, довольно распространенное заблуждение, — будто произошла серьезная политическая эволюция нашей страны. Нет, было отклонение от общего курса — мы все его помним. А теперь мы опять в Советском Союзе, только не в горбачевском и, к счастью, не в сталинском, а в усовершенствованном брежневском. Доказывать это даже не нужно.

Теперь относительно страха. Я совершенно не согласен с Николаем Петровичем Шмелевым, что страх ушел. Он есть. Он некоторое время уменьшался. А теперь есть очень серьезный страх. Я бы сказал, что общество теперь делится на традиционно трусливое русское общество и героев.

Я назову тех и других. И это связано с нашими выборами, например, это очень характерная вещь. Я в конце 2007 года много ездил по стране в связи с выборами и тысячу раз сталкивался со следующим. Некто рассказывает о давлении тех, кто осуществляет административный ресурс. Я говорю: «Нну, хорошо, давайте опубликуем это». Ответ: «Дда ты что? Ты-то уедешь, а мне-то здесь жить. Нет, ни в коем случае».

А кто же герои? Герои — это люди, которые осуществляют электоральную процедуру. Заметьте, между прочим, если по-

считать избирательные комиссии, то на разных уровнях набирался минимум полмиллиона человек. А если еще прибавить сюда тех, кто осуществляет административный ресурс, то их в совокупности куда больше миллиона. Вот они герои. Они не боятся совершать тяжкое преступление. Не боятся наказания за это преступление. Они боятся не совершить это преступление, если будет предложено. Вот это бесстрашие.

У них страх не перед законом, в котором записаны санкции за нарушение избирательного законодательства, а страх перед теми, кто приносит им контрольные цифры. Те самые контрольные цифры, которые дали в Чечне 99,5% явку избирателей и 99,4% за «Единую Россию». Значит, на остальные 10 партий — ровно 0,1 процента.

Теперь достаточно часто многие, и я в том числе, вспоминают четыре имени (на самом деле таких имен гораздо больше). Эти имена: Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Андрей Сахаров, Михаил Горбачев. Это те люди, которые очень энергично говорили о необходимости глобальных перемен, о необходимости нового политического мышления. Каждый из них и еще из многих других, кто тоже за это ратовал, понимают это чуть по-своему — вообще никто не формализовал этих понятий. Но на самом деле, ясно, что это призыв к отказу от традиционной политики, блестяще описанной Макиавелли. И это серьезное отношение к тому, что называют универсальными ценностями. К несчастью, сдвигов в этом направлении нет.

Последний мой тезис относится к неким фантазиям. Что такое Перестройка, как она начиналась и осуществлялась? Ведь это был безумный шаг. Где мог осуществлять реформы новый хозяин страны — новый Генеральный секретарь? — Конечно, через свою партию, Политбюро. И он не хотел лишать эту партию власти, он хотел укрепить ее. Он хотел реформировать КПСС. Вспомним: Генеральному секретарю, а тогда уже кажется президенту, не удалось дозвониться из Вильнюса, где бесчинствовали советские танки. Знаменитые саперные лопатки в Тбилиси. Таких эпизодов можно набрать достаточно много.

Моя фантазия состоит в следующем: провозгласить новое мышление просто, а работать-то в рамках реал-политик,

традиционной политики надо было в этом Политбюро, в отчаянной и злобной атмосфере, и Горбачев был вынужден действовать в рамках реал-политик.

Думаю, что наша советская поначалу, потом русская мирная революция сверху могла состоять в разрешении глобальных проблем, в нашем вкладе в преодоление глобального политического кризиса. На это был нацелен Сахаров и, полагаю, Михаил Сергеевич Горбачев довольно многое в это внес, многое сделал. Вот, увы, партнерство Сахарова и Горбачева не состоялось.

Хотя когда говорят о партнерстве реформаторов и демократов, то у меня всегда возникает вопрос: а кто это такие демократы? Я не взялся бы определить как демократов тех, кто самоназвался этим именем.

В.Б. Кувалдин,
политолог

Не играя в прятки, начну с двух риторических вопросов. Первый. Можно ли было осуществить те преобразования, которые начал Михаил Сергеевич без насилия и крови? Для меня сегодня ответ очевиден: нет, нельзя. Это просто невозможно. Государство, власть для этого и существуют. Это орудие легитимного (подчеркиваю) насилия. И кровь бы пролилась неизбежно. И не 20 повешенных в Сумгаите, а гораздо больше, если бы Горбачев был готов человеческими жизнями оплатить успех начатых им преобразований.

И второй, тоже достаточно риторический вопрос. Что важнее: сохранение государства или развитие демократии? Для меня ответ очевиден: сохранение государства. Нет государства — негде развивать демократию. Опять же, создание нового государства поглощает жизненную энергию, необходимую для развития демократии.

А сейчас позвольте вернуться на 20 лет назад и вспомнить то удивительное время. Чем для меня был и стал впоследствии Первый съезд народных депутатов СССР? Я готов подписаться под каждым добрым словом, сказанным здесь в его адрес. Это всё правда. Только это не вся правда.

Сегодня в моем сознании Первый съезд все больше предстает цистерной бензина, вылитой в разгорающийся костер, после чего процессы, называемые перестройкой, все более приобретали неуправляемый характер. Почему? Давайте вспомним. К этому моменту экономическая реформа явно пробуксовала, положение в стране ухудшалось. Это не моя оценка; откройте документы Политбюро. Это оценка Михаила Сергеевича, данная в те дни. Он прямо говорит: «Положение у нас сейчас хуже, чем в 85-м году». Тогда спрашивается: зачем начинали перестройку, если людям в 89-м году хуже, чем было в 85-м?

Здесь было сказано и, по-моему, справедливо, что надвигалась экономическая катастрофа. Со своей стороны могу добавить, что надвигалась и политическая катастрофа. Прошло более года, как взорвался Карабах. За полтора месяца до съезда — трупы в Тбилиси. Из Средней Азии изгоняют турок-месхетинцев. Прибалтика движется к выходу из Союза. Союзное государство начинает трещать по швам, и на федеральное руководство надвигаются очень неприятные вопросы: мы что, возвращаемся назад, за линию Кавказских гор? Если да, то что будет с Северным Кавказом? Ответы и решения могут быть разными, но от этих проклятых вопросов не уйти.

Еще один вопрос того же порядка: что делать с Прибалтикой. Если мы не уходим, то, значит, используем силу, внутренне готовы к крови и смерти. Здесь тоже возможны варианты и нет ясного ответа. Такова первая линия напряжения.

Есть и вторая. То, о чем здесь говорил Михаил Сергеевич. Именно в результате выборов на съезде произошел раскол лидера с правящим классом. Я не считаю, что он был неизбежным. Партийная, хозяйственная, советская номенклатура, по крайней мере ее наиболее продвинутая или наиболее циничная часть, могла пойти достаточно далеко. Как далеко она могла бы уйти, мы увидели после 1991 года. Но раскол советской элиты произошел в критический момент перестройки. И, естественно, стал еще одним гвоздем, вбитым в ее гроб.

Третий элемент напряжения порожден самим съездом. Быстро углубляется раскол в стране. Раскол на обновленцев и традиционалистов. Сильно огрубляя, можно сказать, что две

столицы и мегаполисы против российской глубинки. И это тоже выбивало почву из-под ног перестроечного руководства. Столицы радикализируются, в провинции еще крепок традиционализм, а реформаторы повисают в воздухе.

И четвертое. Здесь это тоже упоминалось: была создана в сущности неработающая модель политического управления страной. Мы переходили от очень жесткой тоталитарно-авторитарной системы к новым формам политической организации. На этом крутом повороте нас сразу бросило даже не в президентскую, а в парламентско-президентскую республику сомнительного качества, что, конечно, было предельно опасно в условиях столь радикальных перемен.

Следует ли из этого, что в период Первого съезда выхода не было? Мы были обречены. Кстати говоря, Виктор Леонидович, я считаю, что Пятый съезд был политическим трупом еще до того, как он собрался. Он стал политическим трупом после 21 августа. Поэтому Пятый съезд был просто ритуальным действием.

Но означает ли это, что все было проиграно еще на Первом съезде? Нет, конечно. Но цена успеха горбачевской реформации после Первого съезда резко возросла. И эту цену надо было платить самой дорогой политической валютой — насилием, кровью, человеческими жизнями. Отныне иначе было не удержать перестроечный курс.

И, наконец, ещё два «предлагаемых обстоятельства», о которых мы тогда знать не могли, но которые проявились очень скоро. Это крах «реального социализма», постепенное осознание Горбачевым, что государственный социализм изжил себя, он бесперспективен, тупиковая ветвь развития. Ведь если вы прочитаете его выступления ещё весной 1989 года, и даже не выступления, а то, что он говорил на обсуждениях в Политбюро, то увидите, что он еще настроен на социалистическую волну. Он еще спасает социализм в СССР и в мире.

Подвожу итоги. Мне кажется, что они не так ужасны, не так печальны, как следует из некоторых выступлений. Я не согласен с теми, кто считает, что мы вернулись в советское время. Мы не слишком преуспели в становлении демократичес-

ких институтов. Но каким бы ни было наше общество со всеми его страхами и фобиями, сегодняшняя Россия — гораздо более свободная страна, чем она была до Горбачева, до 1985 года.

Что из этого следует? Вопрос о демократии очень важен, принципиально важен. В исторической перспективе это вопрос о сохранении страны. Он очень важен, но сегодня не главный. Главный вопрос о модернизации страны. Мы теряем население и скоро будем не в состоянии удержать доставшееся нам по наследству огромное пространство. У нас нет ни одной приличной дороги, ни одного современного аэропорта. У нас деградируют здравоохранение и образование. И здесь говорилось о том, что происходит с нашим промышленным потенциалом и с нашей наукой.

В глобальном обществе XXI века, в условиях жесткой конкуренции с нами цацкаться не будут. И нам наши сказочные богатства просто так не оставят. Можем ли мы успешно пройти путь модернизации? Можем и обязаны. Ведет ли к цели единственная дорога, через форсированное развитие демократических институтов? Нет, это не так. Например, восточные азиаты идут другим путем.

Из этого вовсе не следует, что я полагаю, что надо было попытаться повторить китайский опыт. СССР его повторить просто не мог. Надо искать свою дорогу. И проблему развития не надо превращать в самоцель. Основной критерий — сбережение и укрепление народа.

С этой точки зрения есть ли какая-то надежда на перемены к лучшему? Думаю, что есть. Власть, правящий режим, не надо их недооценивать. Для того чтобы удержаться и удержаться прочно, они должны следовать основному инстинкту страны. Сегодня основной инстинкт — это инстинкт частного человека, инстинкт потребителя, инстинкт собственника. Да, есть надежда на нефть и нефтедоллары. Но, как мы могли убедиться за прошедший год, эта надежда достаточно хлипкая. Если власть хочет чувствовать себя уверенно, она должна больше думать не о себе, а о других.

В.В. Игрунов,

политолог, депутат Государственной Думы РФ с 1994 по 2003 гг.

Я хотел бы продолжить в русле выступления Виктора Кувалдина, потому что согласен с ним едва ли не больше, чем с Татьяной Ворожейкиной, хотя их выступления были существенно отличны.

Многие говорили о том, что Съезд народных депутатов явился переломным пунктом, после которого политическое развитие приобрело существенно иной вектор. На мой взгляд, также то, что мы имеем сейчас, политическая и социальная реальность, которая никого из нас удовлетворить не может, является следствием эволюции, произошедшей в нашем обществе, вследствие Съезда народных депутатов. Это закономерный и естественный его результат. Однако я не могу считать съезд поворотным пунктом. И хотя можно согласиться с Виктором Кувалдиным, что это событие оказалось бочкой бензина, брошенной в костер, но следует заметить: костер уже полыхал. Сам съезд был продолжением той логики, в которой развивалась страна в конце 80-х.

Так уж случилось, что сегодня случайно в этом зале я неожиданно встретил девушку, которая чуть больше 20-ти лет назад, в феврале 89-го года, помогала мне ориентироваться в массовой демонстрации и множестве мероприятий, приуроченных к празднованию независимости Литвы. Утром 16-го мы двигались, едва переставляя ноги, в невероятной толпе, опьяненной свободой. То, что я видел и слышал, потрясло меня. Я сказал себе: Советского Союза больше нет. Или здесь завтра будут танки, или СССР больше не существует. Вечером мы поехали в Каунас на заседание Сейма «Саюдиса», аранжированного в духе Сейма независимой Литвы. Танков не было.

Не знаю, что меня волновало больше — горечь от исчезновения Советского Союза (а я с этой минуты был уверен, что он исчезнет, и очень скоро), Советского Союза, который был моей Родиной, который остается моей Родиной (я и сейчас остаюсь советским человеком), или радость от того, что танков нет? Очень не хотелось танков.

Съезд народных депутатов уже формировался в логике распада, и я не думаю, что можно было что-то существенно изменить. Катастрофа случилась раньше. Она заключалась в выборе стиля трансформации в стране, к этой трансформации не готовой.

Я помню свое страшное беспокойство того времени. Было ощущение, что из-под советского мироздания вытащили фундамент, и оно рухнет на твоих глазах. Идя сюда, я достал из своего архива статью, заказанную мне «Веком XX-ым» в 1987 году. Главный вопрос, который там ставился, — сможем ли мы избежать катастрофы? Но эта статья так никогда не была опубликована — она вызывала раздражение у демократических деятелей, определявших тогда атмосферу в этом журнале, да и в других рупорах Перестройки. Я помню, как мой друг М.Я.Гефтер, прочтя предостережение о революции, сказал мне: «Посмотри в окно — где ты видишь революцию? Ничего не меняется!» И эта слепота поразила множество ярких и образованных людей, которым предстояло творить историю. Во время съезда слепота соединилась с экзальтацией. Было страшно наблюдать, куда движется страна. Я тогда работал над тем, чтобы сохранить то, что еще можно было спасти, но собственное бессилие было очевидно, и я оставил политическую деятельность на целых два года.

Но было бы ложью сказать, что Съезд народных депутатов приносил только огорчения или даже — главным образом огорчения. 89-й год и Съезд народных депутатов для меня — это и пик счастливого участия в общественном движении, в общественной жизни. Такого удовлетворения от своей активности я не испытывал ни до того, ни после того. Сознание, что ты, обыкновенный человек, дожил до событий исторического масштаба и можешь сам повлиять на их динамику, заставляло работать на пределе возможностей. Аналогичные чувства породили всплеск активности многих и многих людей, которой хватило еще на десятилетия.

Здесь Юрий Николаевич Афанасьев сказал, что есть две ипостаси происходивших тогда событий. Одна из них — это нравственная революция, некое нравственное очищение, которое происходило в связи со съездом. А вторая — это поли-

тическая логика, политическое развитие. Я не думаю, что можно противопоставлять две эти ипостаси. Личностное измерение — нравственная революция, возникновение веры в собственную субъектность — были составляющими той политической логики, которая вела к распаду государства и разрушению социальной ткани. Проблема заключается в том, что избранный путь трансформации был неадекватным реальностям страны, неадекватен возможностям общества. В стране не было политического класса, который бы понимал законы развития общества, законы функционирования реального государства. И чем активней включались в процесс перестройки лидеры общественного мнения, тем опасней становилась ситуация. Хочется вспомнить евангельское: «Они слепые поводыри слепых. Если же слепой поведет слепого, оба упадут в яму». А когда в процесс трансформации было вовлечено огромное число, общественное движение стало массовым, так сразу мы оказались на грани слома государства и упадка государственности. Я работал во время выборов с демократическими кандидатами и участвовал и в создании Межрегиональной депутатской группы. И я видел, как представители МДГ не были готовы к диалогу. Они точно так же не были готовы к диалогу, как не были готовы Михаил Сергеевич Горбачев, Лукьянов и другие политические лидеры.

Движение к разрушению государства было совершенно очевидно. С одной стороны, осознанный и неосознанный радикализм сторонников перемен не позволял входить в положение того человека, который должен руководить всеми этими целенаправленными процессами, которому приходилось сталкиваться со множеством проблем, о многих из которых радикалы даже не имели представления. Михаил Горбачев для Межрегиональной группы в какой-то момент стал чуть ли не врагом №1. Должен вам сказать, что эмоционально я тоже был вовлечен в это. Никогда так критически я не относился к Горбачеву, как в мае 1989 года. Потому что и Михаил Сергеевич Горбачев также не оказался на той высоте, которая позволила бы ему вступить в равноправный диалог со своими сторонниками. Он не видел в них партнеров. Он не нашел способа сохранить минимум согласия в элите. И это не его вина — нетерпение и вызванное им стремление к конфронтации были едва ли

не всеобщими, а преодоление стереотипов партийного руководства требовало времени.

Я много писал. Я пытался обращаться не только к Михаилу Сергеевичу Горбачеву (увы!, у меня, маленького человека, не было никаких шансов достучаться), но и к Межрегиональной депутатской группе — никто не хотел слышать критику. Люди, вовлеченные в политический процесс, в тот момент точно знали, что надо делать. Они были убеждены в своей истине. Это сейчас, 20 лет спустя, некоторые из них критикуют свою позицию, высказывают другие точки зрения. Но тогда они как ошалелые кони, рвались вперед к краю пропасти и не давали себе труда услышать останавливающих или осторожных возгласов, у них не было внутренних сомнений, они не задумывались над тем, что происходит. У них не было исторической мудрости, чтобы сделать правильные выводы, даже если бы они готовы были к рефлексии.

Увы, предыдущие десятилетия советской власти выкосили в стране тех, кто мог бы думать и поступать иначе. Они уничтожили интеллектуальную атмосферу и слой людей, которые могли бы быть адекватными беспрецедентному вызову. Ни с той, ни с другой стороны, а по большому счету, вообще в обществе не было никого, кто мог бы в открытом диалоге квалифицированно и ответственно решать проблемы страны. То, что произошло, было неосознанным, но естественным выбором советских людей. И другого выбора быть все равно не могло, потому что другой выбор, типа китайского, подготовленного Дэн Сяопином, означал бы только продление застоя: советская номенклатура не готова была к радикальным реформам, а потому консервативные инструменты обеспечили бы только оттягивание момента крушения системы. Крушения тем более устрашающего, чем дольше его пришлось бы ждать. Для китайского пути нужен Дэн Сяопин и та интеллектуальная государственническая элита, которая есть в Китае. В России ее не было. И этот путь был закрыт для Советского Союза. С Советским Союзом случилось то единственное, что и могло случиться. И Съезд народных депутатов в этом крушении неповинен. А многое из того, что было принесено в наше общество, благодаря съезду, обладает непреходящей ценно-

стью. Рано подводить итог этому грандиозному событию. Его масштаб станет понятнее на большем историческом расстоянии.

А.В. Рябов,
политолог

Трудно выступать после участников «круглого стола», которые были непосредственными акторами процессов создания новых политических институтов в годы перестройки. Поэтому я остановлюсь на несколько иных аспектах политических изменений как в нашей стране, так и за ее пределами, непосредственно связанных со съездом.

Очевидно, что Съезд народных депутатов СССР в 89-м году стал переломным пунктом в эволюции, в начале трансформации общественной системы, которая обычно называлась «советским блоком».

Очевидно, не случайно, что именно после Первого съезда через несколько месяцев пала Берлинская стена и произошли «бархатные» революции в странах Восточной Европы, которые кардинально обозначили совершенно иную модель трансформации по сравнению с той, что намечалась в Советском Союзе, — трансформации с иной идеологией, с другими институтами.

Съезд стал рубежом, после которого обозначились три возможных модели трансформации. Процесс их складывания, конечно, начался раньше, но после съезда можно уже было говорить о существовании разных моделей. Во-первых, это была «дальневосточная», если быть точными, китайско-вьетнамская модель трансформации. Она предполагала проведение глубоких, но одновременно постепенных, растянутых на длительный период социально-экономических реформ при отсутствии политических перемен, которые откладывались на далекое будущее. Во-вторых, это восточноевропейская модель. Она предусматривала сначала осуществление кардинальных изменений политической системы, а затем экономические реформы.

Съезд же народных депутатов обозначил старт формирования третьей модели. Она свелась к попытке одновременных

перемен, как политических, так и экономических. Так, после съезда началась политическая трансформация советской системы, осторожная, непоследовательная, но все-таки четко обозначившая дальнейший вектор развития. Экономические реформы, также противоречивые и непоследовательные, начались еще до съезда и продолжились после него.

Я знаю, что существует такая точка зрения, согласно которой, дескать, вообще никаких рыночных реформ в годы перестройки не было. Это не так. Формирование основ частной собственности, рыночных отношений, негосударственных экономических институтов, состоялось именно в тот период.

До сих пор специалисты по межсистемным трансформациям спорят о том, а какая же модель наиболее эффективна? Однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет, поскольку нет надежных инструментов верификации, научной проверки правильности той или иной версии. Ясно только одно, что та модель, которая стала формироваться после Первого съезда в плане реализации конечных целей, оказалась неудачной. Она была прервана из-за воздействия целого ряда неблагоприятных политических и экономических факторов еще на ранних стадиях демократизации. Так и не осуществленной оказалась социально-экономическая и технико-технологическая модернизация страны.

Каковы причины этой неудачи? Наверное, здесь целый комплекс причин. Некоторые из них уже затрагивались на сегодняшней конференции. И все же анализ этих причин требует большого самостоятельного и междисциплинарного исследования. А ныне же мы можем высказывать отдельные предположения, версии, поделиться наблюдениями по этому поводу.

По-видимому, было две группы причин неудачи трансформации в Советском Союзе. Первая группа — это институциональные причины. О них сегодня довольно много говорили. Я лишь добавлю несколько тезисов. Вторая группа причин была связана с деятельностной стороной политики — с формированием блоков и коалиций, что очень важно для трансформации.

Что касается институтов, то в аналитическом дискурсе широко представлена точка зрения, утверждающая, что реформаторами была выбрана ошибочная институциональная модель. Под этим имеется в виду, что съезд, как орган, работающий на непостоянной основе, был малоэффективным, напоминавшим некое новое издание народного вече, где каждый говорит о наболевшем, прежде всего, о собственных проблемах, но где невозможно конструктивное взаимодействие между разными группами. Такой орган не был приспособлен к планомерной систематической работе над созданием нового законодательства. А в тени съезда оказался профессиональный парламент — Верховный Совет, который так и не смог стать настоящим парламентом под давлением нависшей над ним громоздкой и малоэффективной конструкции. Сторонники такой точки зрения утверждают, что нужно было бы с самого начала строить подлинный профессиональный парламент. Мне же думается, что этот путь был реален для стран Восточной Европы, где имелся опыт парламентаризма, были живы еще носители этого парламентаризма, его политической культуры и многое-многое другое, необходимое для нормального функционирования парламентской модели.

В России же, в бывшем Советском Союзе ничего этого не было. Поэтому все попытки задействовать опыт и потенциал российского парламентаризма начала XX в. оказались безрезультатными. Это не случайно. За 70 лет Советской власти, историческая память о нем в народном сознании, его носители бесследно исчезли.

Поэтому, по-видимому, нельзя было обойтись без какой-то переходной конструкции. И я бы даже не со всей уверенностью сказал, что в эту переходную конструкцию был задействован лишь советский опыт. Да, формально идея Съезда народных депутатов была позаимствована из старых советских конституций 1918-го и 1924-го годов.

Но если глубже покопаться в российской истории, то можно прийти к выводу о том, что нечто близкое предлагала в 1918 году партия эсеров. Я имею в виду Совета, всея Земли как «надпарламент», то есть такой орган, где не только представляются определенные позиции, имеющиеся у разных об-

ществующих групп, но и формируются, складываются в результате дискуссий и обмена мнениями стратегии власти в отношении основных направлений развития общества. В то же время такая концепция предполагала, что над законами работает профессиональный парламент.

По моему мнению, подобная переходная конструкция, олицетворением которой был съезд, на переходный период была вполне логичной для такого типа общества, которое сложилось в Советском Союзе к концу 80-х гг. прошлого века.

Но есть и иной взгляд на причины неудачи политической трансформации в СССР. Согласно этой позиции, институциональная схема перемен, в центре которой был съезд, в целом была приемлемой. Но вот последовательность политических реформ была неверной. Надо было сначала реформировать низовые, базовые институты, самоуправление, потом местную власть, затем республиканскую и лишь в финале процесса — союзную. Но поскольку это было не сделано, на практике получился перманентный конфликт интересов между всеми этими уровнями, и, в конечном итоге, наступил полный паралич власти.

Однако если мы трезво и объективно посмотрим на состояние советской экономики и советского общества в тот период, то без особого труда придем к малоутешительному выводу о том, что едва ли бы существовавшая государственная машина позволила на этом низовом уровне закрепиться и успешно развиваться институтам демократии. Без поддержки, даже моральной, со стороны реформ наверху, попытки преобразований внизу просто захлебнулись бы.

Поэтому выбор Горбачева и его команды был правильным — начать политические реформы с самого верха, чтобы придать определенную устойчивость и динамику переменам.

Я не буду оригинальным, сказав, что главная институциональная причина неудачи политической трансформации в СССР состояла в том, что реформирование главного института советской политической системы — КПСС началось слишком поздно и явно отстало от реформирования государственных институтов. Это произошло тогда, когда спасти прежнюю систему от коллапса уже было не возможно.

По-видимому, реформа институтов государственной власти должна была осуществляться параллельно с реформой партии, о которой Михаил Сергеевич говорил уже применительно к 91-му году, когда этот вопрос был уже разработан и стоял на повестке дня Пленума ЦК, назначенного на август этого года. Скорее всего, если говорить об институциональной причине неудачи политической трансформации в бывшем СССР, то искать ее надо здесь.

Что же касается политики блоков и коалиций, очень важной для успеха трансформации, то я считаю, что окно возможности для такой политики было. Поскольку сегодня в дискуссии был сформулирован тезис о том, что для успеха политических реформ не хватило коалиции между демократическим движением и реформаторской частью номенклатуры, я считаю целесообразным уточнить этот термин. На мой взгляд, он неточен, или имеет слишком общее звучание. Реформаторская часть номенклатуры на самом деле, разделалась на два совершенно разных течения. Одно было связано идеологически с мощным интеллектуальным освободительным движением 60-х годов, которое реально нацеливалось на некие общенациональные цели трансформации — строительство гуманного социализма «с человеческим лицом». Можно бесконечно спорить, насколько оправданной была постановка таких целей в конце 80-х гг. Но этот вопрос — за пределами нынешней дискуссии. Вторая же часть реформаторской номенклатуры — это та самая, которая была гениально предсказана, а затем и описана некоторыми философами и социологами. Последним в их ряду был Лев Троцкий с его книгой «Куда идет СССР?» («Преданная революция»). Эта часть номенклатуры не ставила перед собой каких-то общенациональных гуманистических целей. Она мечтала о быстрой конвертации в результате реформ своей власти в частную собственность и превращении в новый правящий класс собственников. Однако реальный процесс оказался другим, по сравнению с тем, о чем писал Троцкий. Они и собственность получили, и власть сохранили, сделав ее фактически несменяемой, без помощи КПСС и ее институтов.

Этот «диссонанс» между институтами, конфликты между разными интересами в многосоставном обществе, которым был Советский Союз, позволил этой части номенклатуры, которую ошибочно и демократы, и настоящие реформаторы внутри КПСС в течение долгого периода принимали за «своих», за сторонников преобразований, реально перехватить не только политическую инициативу, но со временем захватить и ключевые политические, экономические и административные ресурсы страны, обеспечив себе полное доминирование в российской политике вплоть до нынешнего периода.

Один из главных уроков периода конца 80-х (их, безусловно, много) заключается в том, что для России до сих пор актуальна задача создания эффективных институтов. Сильные и стабильные институты не удалось создать тогда. Их нет и до сих пор. В нынешней политической системе прописан конституционно только один институт — институт президента. Все остальное — это некие фантомы, которые в зависимости от конъюнктуры, от влияния личностного фактора могут быть сильными и слабыми или вообще декоративными.

Проблема состоит не в том, что институты сложно придумать, а в том, что та самая часть номенклатуры, которая получила и власть, и собственность, и ее союзники из новых социальных групп, фактически составившие новую коалицию победителей, не заинтересованы в сильных институтах.

Нынешняя система, при которой наверху находится Верховный арбитр и в ручном управлении решает, как нужно поступать, кому отдать собственность, как разрешить тот или иной верхушечный конфликт, вполне соответствует интересам этой коалиции. Следовательно, запрос на сильные институты может прийти только со стороны общества. И это будет неразрывно связано с утверждением власти закона, права, процедуры, то есть сущностей, которые обычно отождествляют с понятием правового государства.

В завершение, еще один тезис. Мне кажется, что еще одна причина неудач конца реформ 80-х гг заключалась в том, что в позднем Советском Союзе возникло очень развитое потребительское общество, по крайней мере, в крупных городах. Но не гражданское. Потребительское общество, очень

скоро реализовав в ходе реформ те или иные цели или безуспешно попытавшись реализовать их, быстро отошло от активного участия в политике. И вполне, как показало дальнейшее развитие событий, вписалось в новые, в том числе и сегодняшние, реалии. Поэтому для осуществления поступательных перемен нужно рождение нового общества, которое, оставаясь потребительским, в то же время стало бы сильным гражданским обществом.